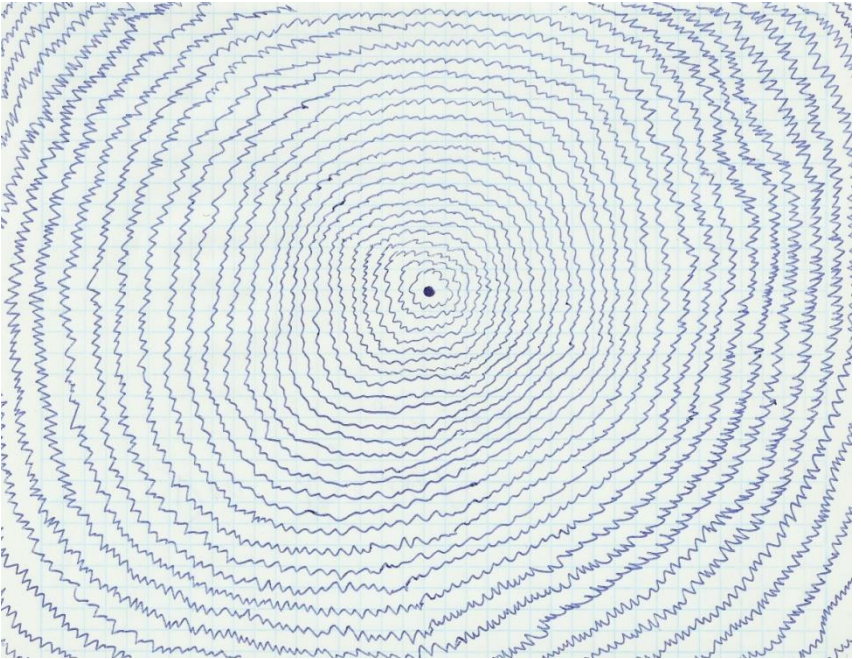


Алексей Маркович

Избранные рассказы из сборника

«СОЛИПСИСТ»



Об авторе.

Алексей Маркович родился 10 апреля 1978 года.

Профессиональный переводчик с английского языка с двадцатилетним опытом, преподаватель английского языка. Член Американской ассоциации экспертов художественного перевода (с ноября 2014 года).

Постоянный гость на «Радио России» и радио «Маяк». Основные темы передач: художественный перевод, путешествие по России, фотоискусство (Алексей профессионально занимается фотографией, регулярно организывает выставки в России и за рубежом).

В 2015 году Алексей издал собственный сборник рассказов «Проект Терра». В сборник вошло 56 произведений. Более тридцати рассказов переведено на английский, немецкий, испанский, французский и многие другие языки. Рассказы опубликованы в международных сборниках фантастики.

В настоящий момент Алексей работает над сборником рассказов «Солипсизм», повестью «Пиксель», а также над автобиографией «Вселенная Марковича».

Личный блог: www.markovich.tv

Апрель 2017.

Рассказы, представленные в данном сборнике:

«Солипсизм». «Конфеты». «Оставшийся». «Властелин Вселенной или Паршивый программист». «Гроссмейстеры». «По ту сторону мира». «Варианты». «Дом. Часть первая». «Фантик».

А также две главы повести «Пиксель».

Алексей Маркович. “Солипсист”.

*Пока еда у вас во рту, вы её сознаёте,
когда она проглочена, вы о ней забываете.*

Нисаргадатта Махарадж

Марк Эмбуш, писатель сорока двух лет, сидел в небольшом кафе в центре Лондона в ожидании Энн Коул, тридцатилетней журналистки, с которой еще две недели назад было согласовано интервью Марка.

Марк был очень большим любителем давать интервью на радио и телевидении, но на данный момент его слабостью стали всевозможные литературные газеты и журналы, как печатные, так и электронные. Всемирная слава к Марку пришла совсем неожиданно, когда одна из крупнейших голливудских студий решила снимать фильм по повести Марка «Солипсист». Название фильма, конечно, должно было быть совершенно другим, но это не суть важно.

– Добрый день! – молодая женщина, пробираясь через пустой зал кафе, издали поздоровалась с Марком.

– Привет! – Марк с любопытством посмотрел на журналистку.

– Вот что значит быть звездой! Кафе открыто только для одного человека, – Энн достала из сумки диктофон, блокнот, ручку и села напротив Марка.

– Почему для одного? Для нас двоих. И для персонала. Может водки?

– Нет, спасибо. Я на работе.

– А я уже накатил.

Энн хотела было сказать «Да по вам заметно», но промолчала, ведь профессиональная этика должна быть всегда на первом месте.

– А зря! Интервью веселее пойдет! Без водки вам трудно будет уловить весь мой «философский бред», как одна из ваших коллег написала в вашем же журнале. Я по вашему лицу вижу, что вы не прочь жахнуть.

Энн на несколько секунд замешкалась и после недолгой паузы выпалила:

– С удовольствием! Согласна хоть на Абсент!

– Только вы платите! – улыбнулся Марк.

– Простите! Что?

– Вы платите за водку.

– Мистер Эмбуш. Вам студия «Парамаунт» выплатила такой гонорар, что вы можете купить пять таких кафе в центре Лондона, вместе с персоналом, и еще столько же останется, а вы меня, журналистку, с официальным окладом в пятьсот фунтов просите купить вам водки.

– Забавное у нас интервью начинается. Вы не поверите, но я гонорар весь раздал... На благотворительность. Немного себе оставил. Вот, фотоаппарат себе купил, – Марк полез в огромный рюкзак, чтобы похвастаться своим новым приобретением.

Но Энн покупка Марка не интересовала:

– Как на благотворительность? Зачем?

– Как зачем? Вы и ваши коллеги кругом и рядом пишете про бедных деток. Вы что осуждаете мой поступок?

Энн хотела было еще что-то сказать, но Марк сразу понял, что она хочет выпить. Через минуту по просьбе Марка принесли бутылку русской водки.

– За знакомство вживую. А то все эти ваши Фейсбуки, да Твиттеры...

Марк и Энн чокнулись.

– Если бы не ваш акцент и некоторые нелепые высказывания, которые не имеют прямого английского происхождения, я бы никогда не подумала, что вы из России. У вас такой шикарный английский, – произнесла Энн, выпив третью рюмку.

– Может перейдем непосредственно к интервью? Я вам обещаю, что это будет самым крутым интервью, которое я когда-либо давал. Вы мне можете задавать любые вопросы. Никаких рамок! Все что угодно! – произнесли Марк и пятьсот грамм водки, которые в данный момент стали для него суфлером.

– Хорошо! Как долго вы писали вашу повесть «Солипсист»?

– Три года. С небольшими перерывами в несколько недель.

– Вы и правда придерживаетесь солипсистских взглядов?

– Ради бога, оставьте солипсизм в покое. Я дал на прошлой недели три десятка интервью и все задают одни и те же вопросы, причем до появления новости, что Голливуд будет снимать фильм по повести русского писателя Марка Эмбуша, никто и слова такого не слышал, разве что профессора Оксфорда, а теперь вот все философами заделались. Спросите что-нибудь другое. Хотите, я вам расскажу, как я недавно напился и голым по отелю бегал?

– Нет, извольте. Я наслышана о ваших эпатажных выходках. Надеюсь, вы здесь не собираетесь это повторить?

– Кто знает...

– Хорошо, мистер Эмбуш...

– Марк. Просто Марк.

– Хорошо, Марк. Я читала вашу повесть. Моя подруга читала вашу повесть. Мой десятилетний сын читал вашу повесть, но ничего не понял. Сотни тысяч англичан читали вашу повесть. Несмотря на то, что там присутствует, так называемая, ваша извращенная философия, повесть ведь все-таки забавна. Сорокалетний мужчина узнает, что он бог, творец этого мира, и начинает жить согласно своим убеждениям.

– А что здесь не так? Я и есть бог и творец этого мира.

Энн уставилась на Марка.

– Энн, выпейте еще водки и расслабитесь. Я не хочу участвовать в очередном философском диспуте, как это было три недели назад на Би Би Си.

– Я смотрела передачу. Вы просто глумились над людьми.

– Какие вопросы, такие ответы. Я вам предлагаю следующее. Давайте поменяемся ролями. Давайте я буду задавать вам вопросы, а вы отвечать. Личную жизнь, интим я трогать не буду, все вокруг философии и повести.

Энн опрокинула внутрь очередную рюмку, закусила семгой и кивнула.

– Энн, как вы появились на свет?

– Простите... Вы сказали...

– Нет, здесь не кроется никакой пошлости или подвоха. Под «как» я подразумеваю «родились», «перевоплотились», «пришли с другой планеты» и так далее.

– Что за глупости? Я родилась, как и миллионы других людей...

– Пойдите... Вы родились... Откуда вы знаете, что вы родились? Вы помните момент своего рождения?

– Нет, не помню, но у моих родителей есть фотографии, когда я только родилась.

– Вы уверены, что это вы?

– Вы хотите сказать, что меня могли удочерить?

– Нет, я хочу сказать, что вам никогда не приходило в голову, что весь этот мир мог появиться десять секунд назад, хотя времени как такового не существует, а все ваши родители, мужья, дети, друзья, работа и тому подобное вам просто залили как «воспоминания» в качестве набора «личности».

– Что за вздор!

– Эни! Я хорошенько пьян, да и настроение у меня хорошее... Да что ж вы так насторожились! Я не собирался вам предлагать то, о чем вы подумали. Может позже... Расслабьтесь! Я хочу вам сказать, что вы всего лишь один из персонажей моего мира.

– Вашего мира?

– Моего! Вы сидите здесь, напротив меня, разговариваете, пьете водку, едите семгу, рис, оливки, теребите ручку, два раза поправили на коленке левой ноги чулок...

– Откуда вы знаете, что на мне чулки?

– Я так захотел.

– Простите...

– Я сказал вселенной, когда придет Эни Коул, то пусть на ней будет черное платье, минимум макияжа, черные чулки, а то, что непосредственно под самим платьем, решать уже ей.

– Какой вы пошлый!

– Вы знакомы с древнегреческой античной литературой?

– В Кембридже изучала.

– Вам должно быть известно, что греки отточили свое ораторское мастерство так, что героям их постановок приходилось декларировать длинные речи на волоске от гибели, что в реальной жизни никогда б не произошло. Вот представьте себе, стоит какой-нибудь там Прометей, привязанный к скале, и два часа высокопарно извергает хулу на Зевса, пока орел клюет его печень. Вместо того чтоб орать от боли и крыть его факами, он спрашивает у судьбы, за что ему все это, неужели боги слепы, глупы, бездушны и так далее.

– Вы это к чему?

– К тому, что человеческие ответы предсказуемы и шаблонны. Как говорил Рамана Махарши, «слово есть правнук мысли». Вы говорите, что я пошлый, но я бьюсь об заклад, вы за неделю до прихода сюда сто раз в голове прокрутили вопросы, ответы, всевозможные варианты общения, и не только общения. Вы так рьяно хотели получить это интервью, только я не пойму зачем.

– Я и сама не знаю, зачем.

– Я могу пояснить.

– Поясните.

– Постараюсь быть кратким. Вы, Энн в моем мире. Я не знаю, насколько вы детально читали «Солипсиста», но я там предельно ясно изложил суть своего мировоззрения. Вначале идет Сознание, затем ум, затем мир и так далее. Не наоборот. Сознание развлекает само себя в миллиардах проявлениях. В данном случае мы говорим о моем мире. Мире, в котором находитесь вы, Энн. Почему я так утверждаю? Для меня вы набор пикселей, фраз, запахов и так далее, которые обработаны моим умом, свидетелем чему является

Сознание. Я вас спросил, как вы появились на свет. Приведу пример. Писатель, художник и тому подобные, когда что-то создают, не начинают с «большого взрыва», они начинают так: «Джон Смит, сорока пяти лет сидел на скамейке». Есть Джон Смит, ему сорок пять, они не пишут про школу, про родителей, про его жен, детей. Они не рассказывают, как эта скамейка появилась в парке, если того не требует сюжет. Художник рисует лес, озеро, да ту же самую скамейку. Он дает нам готовые объекты, без «сотворения мира» и прочей чуши, типа «вначале было слово».

Энн неподвижно смотрела на Марка.

– Поймите, Энн. Мир – это всего лишь набор концепций, в которые мы верим. Американцы были на Луне? Были? Дело ваше, верить или нет. Но вас лично это не касается. Вы говорите, что учились в Кембридже, а мое дело верить или нет. Даже если вы мне покажете все ваши сертификаты, приведете сотню свидетелей и покажете тысячу фотографий, я восприму все это как поток пикселей, которые, мать вашу, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, проецируются в мои глаза, обрабатываются моим умом, чему является свидетелем мое сознание. Возможно, что наоборот, ум развлекает себя, проецируя все на «гигантский экран Атмана», суть не меняется. Вы зашли сюда около часа назад. Но это МОЯ вера в МОЮ память! Мне говорят, что я родился 10 апреля. Что такое апрель? Что такое «десять»? Просто концепции. Я не знаю, как я появился на свет. Да, у меня есть «мать» и «отец», но это лишь моя вера, что два персонажа моего мира по праву считаются моими «самыми близкими людьми».

– Cogito ergo sum. – еле слышно произнесла Энн.

– Все верно, но есть тот, кто видит этого думающего, кто стоит за умом.

Энн перебила:

– Вы сами ко всему этому пришли? Или просто начитались всякой ереси?

– Ни то, ни другое. Кем я был? Куда шел? Что читал? Я есть сейчас, разговаривающий с вами в этом шикарном кафе, рассматривая ваше шикарное платье, и размышляя, что под...

– Продолжать не надо. Лучше налейте, – Энн резко перебила Марка.

Марк долил остатки водки.

– Боже, мы выпили целую бутылку! – вскрикнула Энн.

Марк заказал еще одну бутылку водки, семги, риса и продолжил:

– Что вы читали из моих произведений, кроме «Солипсиста», который произвел такой фурор?

– Несколько коротких рассказов, если честно, для ознакомления. Да, мне многое что понравилось, хоть я и не люблю фантастику.

– Это не фантастика.

– Хорошо. Бред шизофреника.

– Во! Так-то лучше!

– Но если отойти от вашей этой «памяти» и допустить, что есть прошлое и будущее, расскажите, как вы к этому пришли. Люди, утверждающие подобное, сидят в Индии в ашрамах и учат других, а вы пьете водку со мной, да пялитесь мне, как бы это выразиться, ниже солнечного сплетения.

– Если коротко, то когда я засрал свою голову тысячей и одной концепцией «что есть хорошо, что плохо», то голова начала пухнуть. Начался поиск, как все это дерьмо вычистить оттуда. В начале пути ты думаешь, что все это дерьмо, накопившееся у тебя в голове, есть ты. Потом, ты начинаешь осознавать, что ты есть тот, кто все это дерьмо видит, и может заказать кортеж дерьмоуборочных машин, чтоб они начали откачку. Когда основная масса откачана и машины больше не нужны, ты берешь в руки лопату,

грабли, вилы и начинаешь уже работать вручную. Потом оказывается, что дерьмо – это очень хорошее удобрение, и там, где когда-то было дерьмо-болото, сейчас цветут сады. Плоды – как вы знаете, мои рассказы и повести, да четыре фотовыставки, что сейчас проходят в Лондоне, Нью-Йорке, Сиднее и Стокгольме. Раньше я бегал за издателями, а теперь у меня отбоя нет в журналах, напечатать мои произведения. Издательства в очередь выстраиваются. Раньше мне женщины говорили, что я нищелюб и придурок, который может в гостях показать «жопу и перед», а сейчас девяносто процентов из них кусает локти, и ради моих гонораров готовы были б терпеть что угодно.

– Вы считаете, что женщины падки на деньги?

– Вы, Энн, разве не согласны?

– Согласна.

– Зачем спрашиваете?

– Но ведь не все же!

– Не все. Вы ведь не падки. Вы от мужа ушли, который вас полностью обеспечивал, предпочли работу журналиста вместо руководителя пиар-службы в компании вашего свёкра.

– Откуда вы знаете?

– Я вас смоделировал!

– Как это? Мне тридцать лет. Вы меня год назад даже не знали!

– Энн, вы забываете, что существует лишь ВЕЧНОЕ СЕЙЧАС. Я не пишу рассказы, что жил-был Джон Коул, у него был сын Джеймс Коул, а него была дочка Энн Коул. Я пишу: «Энн Коул, молодая женщина тридцати пяти лет, одетая в черное платье зашла в кафе «Квин Виктория» и так далее». Зачем мне предыстории? Это лишь память. Иллюзии. Фантазии. Вы здесь и сейчас со мной! Ваш сын Майкл что сейчас делает?

- Он в школе.
- Откуда вы знаете?
- Я его утром туда отвезла.
- Это ваша память говорит вам, что вы отвезли его туда утром, память через ваш голос вербализирует ваши мысли, которые вы излагаете мне, а я все это слушаю и принимаю на веру.
- Получается, что ничему верить нельзя.
- Нельзя. Все есть память, состоящая из концепций.
- Так ведь и в психушку загреметь недолго!
- Может быть вы там сейчас находитесь, а все наше общение, это кафе и так далее, всего лишь ваши галлюцинации.
- Мне сейчас дурно станет от этого бреда. Меня водка не берет даже. Я пью, но трезвею. Я изучала философию, религии, но там все это было так, поверхностно. Нам рассказывали и про солипсизм, и про весь этот подобный бред, я общалась с профессорами философии, у некоторых брала интервью, но то, что вы мне рассказали сейчас, я понимаю, это не теория, это... я даже не знаю, как сказать.
- Эмм, это ВЕЧНОЕ СЕЙЧАС. Игра в сон. Сон в игре. Называйте, как хотите. Вы в моем мире. Хорошо, перефразирую более развернуто, вы в поле моего восприятия СЕЙЧАС. Это не значит, что я хочу совершить над вами какое-то насилие, это значит, что ваши реакции всецело зависят от моих осознанных и подсознательных намерений.
- Как это?
- Вы моя новая программа!
- ???

– Энн, мне, в концептуальном контексте моего мира, сорок два года. Женские персонажи, которые меня окружают, это какой-то глюк, сбой системы, видно хреновый я создатель. Я им: «Посмотрите на эти поля, луга, реки и озера», а они смотрят «эти луга, поля, озера» по телевизору. Я им: «берем палатку и айда в лес на три дня», а они: «там комары, клещи».

– А я при чем? Я тоже не хочу быть покусанной комарами и клещами.

– Но ведь озера и луга лучше смотреть вживую.

– Марк, но ведь из всего этого, что было сказано, не получится интервью, даже статья будет нелепой.

– А интервью и не должно было быть. Ваш диктофон выключен, как и ваш мобильный телефон.

Энн полезла в сумку:

– Как?

– Специальные глушилки. Мне нужно было, чтоб вы здесь появились. Я хотел пообщаться с вами, оценить смоделированную мной программу. Вы ж ведь читали мой рассказ «Ремарка», а также другие из данной серии?

– Не помню.

– Это не важно. Важно, что ваши «исходные коды» на 87% отлично резонируют с моими.

Энн промолчала. Как она ни пыталась залить весь этот бред алкоголем, ничего не получалось.

– В бутылках была вода.

– Как вода? Я прекрасно помню вкус водки.

– Это всего лишь память. Ненадежная, лживая, коварная.

Глаза Энн округлились от испуга.

– Энн! Так сложно создать себе компаньона по жизни. Ты месяцами работаешь над алгоритмом событий, а потом какая-нибудь непредусмотренная нелепость приводит к сбою. Ты создавал персонаж, генерируя имя, цвет волос, глаз, привычки и т.д., а персонаж то ли не доработан, то ли...

– Но ведь я могу встать и уйти. Вы не всесильны. У меня есть воля. Ваши женские персонажи где-то там, а вы здесь. Они же не бегают за вами.

– Нет, не бегают, но их существование вне творца, то есть меня, обречено. Другие не смогут поддерживать их жизненную энергию. Я не говорю, о смерти. Я говорю, что вне источника, то есть меня, все бессмысленно.

– Но у меня был муж, есть ребенок. Я существовала без вас.

– Это ваша память. Я создал вашу память.

– Как? Вы сидели и детально все создавали?

– Вы персонаж, вам трудно это понять.

– А вы псих и шизофреник.

– Пусть будет так. У вас есть выбор. Либо продолжать верить, что мама и папа произвели вас на свет, что вы учились, выходили замуж, рожали, либо сделать так, чтобы вашей точкой отсчета всегда было ВЕЧНОЕ СЕЙЧАС, в котором есть вся ваша память с вашей семьей, учебной, работой и так далее.

– Я не вижу разницы.

– Разница очевидна. Хотя бы в том, что вы пришли сюда без нижнего белья.

– Как??? Я... Оно...

– Память обманчива и коварна. Вы можете мне доказывать, что на вас оно было, но его нет.

– Черт! Вы что экстрасенс? Гипнотизер?

– Я ваш создатель! Вы мне не верите. Я создал вашего десятилетнего сына, чтоб мне в сорок два не носиться с пеленками. Я дал вам опыт разных мужчин, чтоб вы через пару месяцев не помахали мне ручкой, поняв, что шило на мыло менять не стоит. Я дал вам образование, чтоб вы поняли, насколько оно ничтожно и бессмысленно. Я привил вам любовь к своему творчеству. Я не надругался над личностью. Я ЕЕ СОЗДАЛ.

– Вы своим женщинам так тоже говорили?

– Двоим да.

– А они?

– Говорят, что я псих.

Марк улыбнулся:

– Наливайте!

– Что?

– Водку?

– Там ведь вода!

– Какая вода?

Энн понюхала рюмку.

– Черт! Вы колдун! Как вы это делаете?

– Вы в моем мире. В моей вселенной. Я учусь ей управлять осознанно. Надеюсь, вы более благоразумный персонаж.

Энн почувствовала прилив алкоголя в голову.

– Черт! Я хочу к вам, в Россию.

– Я тоже хочу. Вот билеты. На две персоны. Завтра вылетаем.

– Как? Как вы это делаете? Каким образом? Я не давала вам моих данных!

– Я создал ваши данные.

Энн поняла, что спорить бесполезно.

– Расслабьтесь! Принимайте все таким, какое оно есть. Я недавно купил себе домик, 25 миль от города, там такой пруд.

– А как же карьера писателя? Вам в Америку лететь. Контракты дополнительные подписывать.

– Какая карьера? Какая Америка? Посмотрите на это кафе! Сколько здесь забавных персонажей. Зачем куда-то лететь, ехать! Бытие повсюду. Посмотрите вон на ту парочку.

У Энн начался озноб.

– Марк! Не надо! Не делайте так больше! Не играйте с моей памятью! Я с ума сойду! Как? Как вы вернули сюда людей?

– Они здесь всегда были! Они здесь всегда, в ВЕЧНОМ СЕЙЧАС! И мы в этом вечном сейчас! ПРЯМО СЕЙЧАС!

– Боже! Давайте уйдем отсюда.

– А мы сюда и не приходили, – Марк передал Энн термос и три пакета, доставая провизию из рюкзака.

Пруд воистину был прекрасен.

Память... Что она собой представляет? Ответа нет.

Если ты, читатель, держишь эту книгу в руках, дочитывая рассказ, то знай, что это происходит по моей воле, и ты в моем мире.

Алексей Маркович. “Конфеты”.

Большой комфортабельный автобус подъехал к новому пятиэтажному кирпичному зданию. Один за другим из автобуса начали выходить седовласые джентльмены, глядя на которых складывалось впечатление, что все они участвуют в конкурсе «Да, у меня седина, но я всё-таки ещё молод!». Джентльмены о чём-то громко спорили, размахивая руками.

– Господа, прошу сюда, – произнёс молодой человек и указал на боковой вход в здание, надпись над которым гласила «M-am gătăcit», что в переводе с румынского означало «Я заблудился». Но седовласым джентльменам перевод был неинтересен, ибо когда ты голоден и тебя привозят прямо к ресторану, то первым делом ты думаешь не о том, что означает «M-am gătăcit», а о том, как быстрее добраться до столика и что-нибудь закинуть себе в рот.

Группа седовласых джентльменов – это непризнанные учёные из разных уголков Европы, их специально на время экскурсии по Бухаресту поместили в отдельный автобус, чтобы во время поездки они не распространяли свои еретические взгляды. Непризнанные – потому что доступ к большим залам и аудиториям им был закрыт, следовательно, рассказать о своих новых, чаще всего безумных, открытиях они не могли. Это в 1991 году введут Шнобелевскую премию, а сейчас в 1978 году максимум, что ты мог сделать, это найти спонсора, который оплатил бы твою поездку в соседнюю страну для встречи с подобными горе-коллегами.

Целью приезда этих непризнанных учёных в Бухарест была международная конференция, где должен был выступить известный румынский физик Мирча Пуйкан. Выступление прошло в среду, а сегодня, в четверг, Координационный совет устраивал ужин.

Даже сидя за столами, поедая стейки, учёные продолжали спорить. И спор был не вокруг выступления Мирчи Пуйкана и других авторитетов в области физики, а вокруг комментария, который выдал польский псевдоучёный Яцек Ковальский. Пан Ковальский заявил, что он нашёл формулу сжатия пространства, что любой самолёт или танк благодаря этой технологии можно поместить в карман. Конечно, всё, что требовалось, чтобы доказать его теорию, это оборудование на полтора миллиарда долларов, которое необходимо разместить в павильонах на площадях размером с шестнадцать футбольных полей.

Каким бы абсурдным не было заявление Яцека Ковальского, 325 светил и псевдосветил науки обсуждали именно идею о сжатии пространства, напрочь забыв про выступление Мирчи Пуйкана, ради которого они все и приехали в Бухарест. Когда официальный ужин закончился, в ресторане осталось не более тридцати человек, включая шестидесятилетнего Яцека Ковальского и его тридцатилетнего ассистента Радзимиша Левандовского.

Пан Ковальский налегал на ракию, в результате чего изрядно напился и стал твердить, что технологию сжатия пространства он получил во сне от самих инопланетян. Яцек Ковальский размахивал в воздухе листами с какими-то формулами и кричал, что если захочет, то весь этот ресторан превратит в кукольный домик и растопчет ногами, если ему не принесут очередную порцию ракии. Официант, видно не желая, чтобы его растоптали, принёс бутылку ракии.

Далее Пан Ковальский стал хвастаться, что у него очень крутой спонсор, который уже год как оплачивает его поездки по всему миру, что через три дня он летит в эту проклятую Америку, а все эти недоумки, включая Мирчу Пуйкана, пусть гниют в этом

соцлагере. Затем Яцек Ковальский полез в свой дипломат и вытащил оттуда две коробки конфет: «Угощайтесь! Это подарок от спонсора американцам, но лучше мы его съедем здесь! Перебьются, буржуи!».

– Пан Ковальский! Пан Ковальский! Не надо! Это подарок! – закричал его ассистент Радзимиш Левандовский и принялся отбирать коробки с конфетами.

– Отвали, щенок! Я тут главный! Это я плачу тебе жалование! Я найду себе другого ассистента и переводчика! Отдай эти коробки мне или ты уволен! – и Яцек Ковальский оттолкнул своего ассистента.

На помощь пану Ковальскому поспешили двое его коллег и отобрали у Радзимиша конфеты.

– Не надо, не открывайте эти коробки! – ассистент, было, кинулся к столику, но его крепко под руки держали двое профессоров. Профессорам, хоть и было за 70, но после ракии сил у них будто прибавилось в разы.

Пан Ковальский начал громко браниться на своём родном польском языке и раскрывать коробки с конфетами: «Запаковали, суки! Берите, ешьте! Хер этим американцам!».

Но картина, которая предстала перед глазами оставшихся посетителей ресторана, привела их в дикий ужас. Конфеты начали медленно двигаться по столу, словно они старались создать какую-то фигуру. Затем одни конфеты начали «залезать» на другие конфеты, поворачиваясь на бок и катиться наверх, словно сооружая башню. Через три минуты башня была готова.

Часть посетителей ресторана мгновенно протрезвела.

– Старый хер! Что ты наделал?! – закричал Радзимиш Левандовский, – Нам конец! Ты понимаешь? Нам конец! Нам тут всем конец!

Конфетная башня начала понемногу вращаться, а конфеты стали сливаться друг с другом, образуя единую фигуру, чем-то напоминающую усечённый конус.

Но посетители опомниться не успели – в дверь ворвалось несколько десятков человек в камуфляжах и масках, и повалили всех посетителей на пол.

—

В 1975 году Яцеку Ковальскому и правда приснился сон. Сон повторялся многократно, каждое утро Яцек делал новые записи, основанные на тех откровениях, которые он получал во сне. Как только сны начались, к Яцеку в ассистенты напрасился молодой учёный Радзимиш Левандовский. К удивлению пана Ковальского Радзимиш не смеялся над его теорией сжатия пространства, а наоборот, проявлял неподдельный интерес. Благодаря Радзимишу у учёного Ковальского появился спонсор, который стал оплачивать его поездки по всему миру. Советский Союз, ГДР, Румыния, Болгария, Венгрия... Затем пан Ковальский стал ездить уже во Францию, Англию, Нидерланды, даже слетал в Канаду.

Спонсор постоянно просил передать две-три коробки польских конфет своим коллегам за рубежом, говорил, что конфеты из его небольшой кондитерской, собственного производства. Подарками занимался всегда ассистент Яцека Ковальского Радзимиш Левандовский, да и на конфеты учёному было наплевать. Несколько раз он хотел открыть коробку, но Радзимиш настоял на том, что это подарок, что делать этого не стоит. А здесь, после хорошего принятия ракии, любопытство взяло вверх.

Яцек Ковальский не знал одного. Он был избран представителями внеземной цивилизации, которая сотрудничала с властями Соединённых Штатов. В мозг Яцека Ковальского были закачаны все необходимые коды и формулы, а Радзимиш (как раз представитель той внеземной цивилизации) всегда имел доступ к этим кодам. Учёному Ковальскому было разрешено болтать обо

всех этих бредовых теориях, так как ему никто не верил, кроме горстки таких же безумцев.

Радзимиш Левандовский на протяжении последних лет занимался тем, что похищал технологии и научные разработки различных государств и сливал их Соединённым Штатам. Но это были не коды и чертежи. Это были приборы, агрегаты и целые промышленные комплексы, которые с помощью технологии сжатия пространства были уменьшены до размеров хомяка или муравья и помещались в специальный контейнер. Сборный контейнер было решено замаскировать под конфеты, так как на таможне ни у кого не возникнет вопросов к обычным конфетам, которые везут из Польши или другого государства своим коллегам по бизнесу в Испанию или Канаду.

В этих двух коробках из под конфет, раскрытых в ресторане, был спрятан целый ракетный комплекс, который внезапно исчез. Мистика какая-то! Советский Союз, который тоже сотрудничал с внеземными цивилизациями, обратился к одной из них за помощью, те и слили им своих конкурентов.

Земля всегда была полем для конфликтов разных цивилизаций, но существовал строгий договор, не снабжать человека технологиями, к которым он ещё не готов, ибо цель у человека одна – нажива и власть.

На высшем уровне США и СССР данный конфликт замяли. Яцека Ковальского трогать не стали, лишь удалили все эти данные о «сжатии пространства». Зато залили другие – теперь Яцек пишет музыку. В одночасье он вдруг стал музыкантом. Так что человеческий мозг – это всего лишь набор программ. Одну удалил, другую поставил.

Радзимиша Левандовского лишили человеческой оболочки и телепортировали на его родную планету. Разборки между высшими цивилизациями насчёт внедрения технологии сжатия пространства длятся и по сей день, но людям это неизвестно, у них своих забот хватает.

Ну, а всем свидетелям «ползучих конфет» подчистили память, некоторым даже очень сильно, списав всё на пагубное действие ракии. Возможно, я или вы тоже были свидетелем чего-то грандиозного, неземного, но вам, как и этим бедолагам, просто удалили ненужные файлы...

Алексей Маркович. “Оставшийся”.

Когда Люси вошла в кафе, Боб уже сидел за столиком, который находился в самом углу.

– Я приехала только ради тебя, чтобы помочь тебе, так как знакома с тобой уже не первый год и ты мне очень дорог, – взволнованно произнесла Люси, подсаживаясь к Бобу.

Боб ничего не ответил. Его руки дрожали, лицо было бледным как мел.

– Не томи! Говори, что случилось! Ты куда-то влип?

Боб ничего не говорил, просто смотрел на Люси и дрожал от страха. На столе стояла почти допитая бутылка виски, и вот официант нёс уже вторую.

– Нас стирают! Стирают целыми группами!

– Кого стирают? Что ты несёшь?

– Я всё просчитал. Скоро и тебя сотрут, и меня!

– Боже! Твоя квантовая физика тебя до добра не доведёт! А ведь ты ещё и докторскую писать начал...

– Квантовая физика здесь ни при чём! Я влез в такие расчёты! Мне страшно, Люси!

– Рассказывай, если будешь молчать, то ещё страшней будет!

Боб выпил залпом стакан виски и усталился на Люси:

– Представь себе жёсткий диск объёмом, скажем, в сто гигабайт. Объём, в принципе, не важен. И на этом диске, на всей его поверхности, записана... установлена.. не важно, как это назвать... одна игра. Целый мир. Детально прорисованный, сконструированный... И вот на этот диск решили записать новую игру или какие-то новые данные. Что будет со старой игрой? Её удалят! Деинсталлируют! Одна минута, и игры нет.

Люси смотрела на Боба с недоумением.

– Понимаешь, – продолжал Боб, – наш мир сейчас стирают. То, что для них там секунда, для нас, возможно несколько лет, месяцев или даже дней.

– Ну да, для Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день, как ты любишь цитировать там апостола Павла...

– Это не Павел, это апостол Пётр. Его Второе послание, третья глава, – резко осадил Люси Боб.

– Прости, я не сильна в теологии, равно как и в квантовой физике, – язвительно ответила Люси.

– Это не суть важно! Мои расчёты и выводы плачевны. Скоро нас с тобой тоже не будет, нас сотрут... Не перебивай! Поначалу, я сам не поверил своим расчётам, но решил проверить всё экспериментально. Всё началось с того, что четыре месяца назад я решил поехать к своим родителям в Лос-Анджелес. Но я не мог выехать из города. Три раза в аэропорту отменили рейс, машина четыре раза ломалась, так и не проехав более пятидесяти километров. Я подумал, что это просто нелепые совпадения, но я ведь в первую очередь математик, поэтому меня данный расклад очень сильно насторожил. Я испробовал множество вариантов покинуть этот город, чтобы добраться до Лос-Анджелеса, но мне это так и не удалось.

– Так попроси родителей приехать к тебе...

– Они тоже не могут, им тоже что-то мешает. Как будто между нами пропасть...

– Это какой-то бред...

– Люси, ты хоть и далека от компьютеров, математики, физики и т.д., но попробуй представить то, что я тебе скажу. Представь себе жёсткий диск, что у тебя, у меня установлен в компьютере, ноутбуке...неважно, где... Диск состоит из множества кластеров... ячеек, объединённых в группы, – Боб нарисовал на салфетке окружность. – Например, фото твоей кошки может быть разбросано по всему диску. Одна часть картинки здесь, у самого, скажем, центра, другая же в самом конце...

– Как на виниловой пластинке...

– Да, как на пластинке. Одна песня в самом начале, другая же у основания. Только у диска всё это намного сложнее. Когда идёт удаление чего-либо с диска, удаляются кластер за кластером... Правильнее сказать, не удаляются. Происходит размагничивание поверхности, многие данные, хоть и повреждённые, остаются. Когда я звоню своим родителям, я нормально с ними общаюсь, но стоит мне предпринять попытку отправиться к ним на любом виде транспорта, и я не могу этого сделать. Я также попробовал поехать в другом направлении на машине, но там оказалась многокилометровая пробка. Я взял билет на самолёт до Нью-Йорка, но перед отлётом, откуда ни возьмись, возник ураган.

– Мне трудно в это поверить...

– Я тебе как-то говорил о теме моей докторской диссертации. Если говорить простым языком, в своей работе я провожу параллель устройства нашего мира с принципом работы компьютера, только всё это на очень сложном уровне. Вывод, к которому я пришёл, наш мир распадается, уничтожается, стирается. Какая-то неведомая сила дробит нашу реальность...

– Но ведь я приехала к тебе за двести миль...

– Значит твой кластер рядом. Географически ты можешь быть хоть в России, хоть в Китае, но твой кластер находится рядом с моим кластером. Твой приезд сюда – это своего рода мой эксперимент. Есть много знакомых, с кем я живу в этом городе, но я перестал всех их видеть, вообще встречать. Я вижу множество чужих мне людей, а своих знакомых не вижу, не встречаю. Я попытался некоторых из них найти, но сразу же возникала схожая ситуация как с поездкой к родителям.

– Знаешь, Боб, это всё так интригующе и нелепо... Давай проведём эксперимент, поедем к моей подруге прямо сейчас. Я вызываю такси, и мы едем!

– Хорошо!

Через час Люси и Боб сидели у их общей подруги Линды в гостиной.

На вопрос о столь необычном и неожиданном визите Люси попыталась пересказать весь тот бред, что нёс Боб, но реакция подруги оказалась весьма иной. У Линды задрожали руки, и ей чуть не стало дурно:

– Я не знаю, что там у вас за кластеры, но я также как и Боб не могу выбраться из этого чёртового города. Целый год я не могу никуда выехать! У меня даже машину украли! Что ты скажешь на это, Боб? Почему я могу также как и ты позвонить кому угодно, но увидеться не могу? Значит ли, что те люди всё-таки живы, и их не «стёрли»?

– У меня есть только одна догадка... Возможно, наш мир не полностью стирают, а частично. Скажем, игра ещё нужна... Это я так, фигурально говоря. Поэтому мы ещё живы. А все эти разговоры по телефону... ну... просто иллюзия существования мира.

– Иллюзия? То есть разговаривать с родителями по телефону ты можешь, а увидеть их – нет!

– Мне сложно сказать, с кем я разговариваю. Скорее всего, это уже не мои родители...

– А кто это тогда?

– Программа, которая заставляет верить, что всё так, как есть... Только скоро эта программа будет разоблачена... Кстати, где Линда?

– Она на кухню выходила...

Люси подскочила и выбежала из гостиной.

– Боб! Боб! Скорее сюда!!!

Боб побежал вслед за Люси.

Люси вся дрожала от страха, стоя перед входом на кухню. На кухне находилась Линда, пытаясь что-то кричать, но её голос не был слышан. Проход на кухню был заблокирован, словно появилась невидимая стена.

– Бежим отсюда, этот кластер разрушается, – заорал Боб.

– А Линда же...

– Поздно, иначе и мы тут останемся!

Боб схватил Люси за руку и кинулся к двери.

– Идём по направлению к кафе! – громко произнёс Боб.

– Да до него знаешь сколько идти! Мы сюда на такси ведь ехали! – Люси заплакала.

– Жить хочешь, иди! Лучше побежали. Тем более на тебе кроссовки.

Через двадцать минут Люси настояла, чтобы хоть немного где-нибудь передохнуть. Люси и Боб присели на скамейку. Кругом гуляли люди: парочки, женщины с детскими колясками, кто-то совершал пробежку, поэтому на Люси и Боба никто не обращал внимания.

– Боб, смотри, но тут ведь люди, и им хоть бы что...

– Не подходи ни к кому, ты можешь быть затянута в их кластер.

К скамейке подбежала молодая девушка, совершавшая пробежку по парку.

– Который час, а то телефон сел... – девушка обратилась к Люси.

– Половина четвёртого, – ответила Люси.

– Спасибо.

Люси встала, чтобы идти дальше, но путь ей перегородила невидимая стена. Люси посмотрела в сторону Боба, он что-то ей кричал, размахивая руками, но она его не слышала.

Люси сделала несколько шагов в другую сторону – там тоже была невидимая стена. Люси начала истошно орать, но даже она свой голос уже не слышала. Невидимая стена окружала Люси со всех сторон, несколько шагов влево-вправо, вперёд-назад – путь был заблокирован.

Кругом продолжали гулять люди, но они будто и не замечали Люси. Боба нигде не было.

Боб продолжал бежать по направлению к кафе. Мог ли он спасти Люси? Вряд ли. Добежав до кафе, Боб плюхнулся в первое же кресло. В кафе будто ничего и не изменилось.

– О! Вы вернулись! – произнёс официант. – Что будете?

Виски! – Еле произнёс Боб.

Боб достал из кармана сотовый телефон и набрал Люси.

– Привет, Боб! Как дела! Так давно тебя не слышала! Как ты?

Боб швырнул телефон на стол. Нет, этого не может быть. Люси осталась там, в парке. Кто же это? Боб набрал Линду.

– Привет Боб! Как поживаешь? Что нового?

Боб огляделся. В кафе всё было по-прежнему, никаких изменений. Боб очень сильно хотел в уборную, но мысль, что дверь за ним закроется, и он оттуда никогда не выйдет, заставила его терпеть.

Официант принёс виски.

Через час Боб вышел из кафе. Справив нужду прямо на улице за углом многоэтажного здания, Боб сел на ближайшую скамейку. Интересно, где заканчивается доступная ему территория.

Два часа Боб шёл только вперёд, никуда не сворачивая. Но невидимой стены нигде не было. Внутри зданий заходить Боб опасался, так как боялся навсегда там остаться. Мысль о Люси ему не давала покоя. Если и суждено ему быть стёртым, то этого уже не миновать. Боб пошёл в тот парк, где осталась заблокированной Люси.

Но чем дальше Боб шёл, тем более странной ему начинала казаться вся эта местность. Новые здания, новые аллеи, новые фонтаны – вроде всё знакомое, но одновременно и чужое. Прежнего парка нигде не было. Дом, где когда-то жила Линда, тоже исчез. Юные атлеты с наушниками в ушах по-прежнему бегали по беговым дорожкам, мамы продолжали гулять с детьми, парочки, как и прежде, зажимались и целовались.

Боб присел на ближайшую скамейку. К нему подошли два копа.

– Всё в порядке?

Боб ничего не ответил. Попытка убежать была пресечена. Боба скрутили и затолкали в полицейскую машину. Этого Боб больше всего и опасался. Сейчас его доставят в чуждый кластер.

Через десять минут машина врезалась во что-то на дороге. Коп, что был не за рулём встал, чтобы проверить. На дороге ничего не было. Машину спереди сильно помяло.

– Дальше не проехать! – простонал Боб.

– Тебе почём знать? – Рывкнул на него коп, что был за рулём.

– Открой дверь, я попробую помочь.

Через несколько минут Боба выпустили из машины. Два копа выглядели неважно. Три метра назад, три метра вперёд – невидимая стена окружала машину и копов.

Боб решил – была, не была, и двинулся к невидимой стене, которую, к своему удивлению, легко преодолел. Он оглянулся назад, два полицейских что-то пытались ему кричать, но он их уже не слышал. Боб пошёл по дороге в противоположную сторону.

Сколько ему осталось жить, ждёт ли Боба невидимый куб, или вообще полное уничтожение, известно лишь тем, кто в очередной раз проводил извне переустановку игры под названием «Терра».

Алексей Маркович. “Властелин Вселенной или Паршивый программист”.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что твои программы тебе больше не подчиняются? – спросил Пришедший Властелина Вселенной.

– То и имею в виду, что не подчиняются. От рук отбились, сбой дали, сами по себе программы паршиво написаны были.

Никудышный из меня программист, – посетовал Властелин Вселенной и потянулся за стаканом виски.

– Но ты Властелин, ты всемогущ, – настаивал Пришедший.

– Я-то всемогущ, но в данном проявлении я целенаправленно ограничил себя. Если же я захочу, чтобы всё было по-моему, то мне придётся жульничать, использовать сверхспособности, а я запретил себе это делать.

– И нет никаких способов?

– Получается, что нет.

– Но ведь это твоё уже шестое воплощение, шестой дубль, где ты пытаешься получить её. Получить заранее смоделированный тобой персонаж, который заранее запрограммирован тобой же на отвержение тебя.

– Всё верно. В этом-то вся и игра придуманной мной «свободы воли», которой, в сущности, и нет.

– Что значит, нет?

– Все наши действия в этой реальности сведены к заранее прописанному сценарию Автора. Автор написал, что персонаж будет отвергать тебя, значит, будет отвергать тебя.

– Но ведь ты и есть Автор!

– Да, но находясь здесь, в этом воплощении, я ничего не могу поделать!

– Найди лазейку!

– Нет лазейки!

– И что же дальше?

- На неё повлиять я не могу, а вот на остальных...
- И как ты собираешься это делать?
- Каждый следующий будет отвергать её. Месяц-два-три будет с ней, а потом она ему будет безразлична. На неё я напрямую повлиять не могу, зато на остальных запросто. После пятого-шестого-седьмого сама прибежит!
- И зачем она тебе после «пятого-шестого-седьмого»? Она же всё равно тебя не полюбит!
- А мне любовь и не нужна! Мне нужно изнутри взломать систему! Цель, чтобы она была рядом. Обвести Автора вокруг пальца. Когда она поймёт, что никому не нужна, прибежит ко мне!
- А тебе нужна она?
- Она моя программа. Пока программа не выполнена, я не могу переместиться на новые уровни воплощений.
- Ты с каждым разом придумываешь себе задачи всё сложнее и сложнее.
- Я пока с этим уровнем не справился!
- Да брось ты это дело!
- Нет! Не могу! Слишком много энергии затрачено было.
- Три года спустя.
- Как успехи?
- Её уже двенадцатый отверг! Она всё никак не ломается! Я уже себе пять других, временных, программ поменял, а она всё держится. Помнит обо мне, но продолжает искать очередного!
- А может тебе с ней напрямую пообщаться?

- Общался, не помогает!
- Так ты над ней просто издеваешься! Она ищет любви, ласки, а её продолжают отвергать!
- Но как она не поймёт, что есть я! Я, создавший её!
- Она не знает, что ты создал её. Она думает, что она независимый персонаж.
- Так попроси Сатану, пусть, как с Иовом, поступит. Родственников в мир иной отправит, на неё проказу наслёт, и дело в шляпе.
- Сатана мне потом сам жаловался на Иова, да и мне пришлось столько дней слушать его стенания. На смотри, – Властелин Вселенной протянул Пришедшему Библию.

Почему не сокрыты от Вседержителя времена, и знающие Его не видят дней Его? Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя. У сирот уводят осла, у вдовы берут в залог вола; бедных сталкивают с дороги, все уничтоженные земли принуждены скрываться. Вот они, как дикие ослы в пустыне, выходят на дело свое, вставая рано на добычу; степь дает хлеб для них и для детей их; жнут они на поле не своем и собирают виноград у нечестивца...

- С меня хватит! Ты издеваешься? – Пришедший отшвырнул Библию в сторону.
- Сам предложил.
- А ты не пробовал оставить всё как есть? Отпусти её. Пусть живёт своей жизнью. Тебе ведь не чуждо понятие «любовь»?
- Любовь? Понятие не чуждо, а вот чувство чуждо.
- Когда ты последний раз любил? Не использовал своих персонажей, а любил кого-либо из них?

– Ну... – Властелин Вселенной замешкался.

– То-то и оно. Позволь ей просто жить.

– Попробую.

Два года спустя.

– Она умерла, – Властелин Вселенной крепко сжимал стакан виски.

– Как? Почему?

– Персонаж не может жить вне его Создателя! Я перестал подпитывать её своей энергией. Она обзавелась семьёй. Пятнадцатый её не бросил, даже влюбился в неё. Я его не трогал. И её не трогал! Паршивый из меня программист! Негодный! Никудышный! Придётся делать дубль семь. И на кой я тебя послушал?!

Властелин Вселенной допил свой виски и исчез.

Алексей Маркович. “Гроссмейстеры”.

– Кто это? – спросил ЛТМК-88-90 свою мать PTRZ-75-21, прогуливаясь по Залу Славы, на стенах которого висели изображения Великих.

– Это?.. Это Великие Гроссмейстеры, – ответила PTRZ-75-21.

– Что такое «гроссмейстеры»?

– Великие Гроссмейстеры – основоположники дебютов... вариантов развития знаменитой игры «Терра». Когда вырастишь, возможно, и ты, мой милый ЛТМК-88-90, начнёшь играть в «Терру»... Кто знает, может и ты создашь уникальную эпоху, придумаешь новых персонажей и по праву получишь статус Гроссмейстера.

ЛТМК-88-90 с восхищением продолжал рассматривать лики Великих, кто разыграл, да и продолжает разыгрывать всё новые дебюты знаменитой игры «Терра», которая так популярна в его мире.

Алексей Маркович. “По ту сторону мира”.

Тесс выжидала подходящего момента уже несколько дней. Она хотела услышать от Кевина правду, и неважно насколько горькой и болезненной она может оказаться.

Кевин стал реже бывать дома, его влечение к Тесс, по ее мнению, практически испарилось. Когда Кевин ел, он с пристальным вниманием рассматривал приготовленную пищу и столовые приборы, будто видит их впервые. Он мог по часу сидеть и любоваться солнечным светом на стене или на подоконнике. Вечером, когда Тесс и Кевин пили на кухне чай, Кевин с неподдельным вниманием изучал, как отражается свет от люстры в его чашке.

– У тебя появилась другая женщина? – не выдержала Тесс. Как она ни готовила свою речь, ничего другого кроме банальной фразы у нее произнести не получилось.

– Нет у меня другой женщины.

– Не ври! Ты так часто уходишь из дома, я не верю, что ты просто гуляешь по улицам города, – Тесс снова произнесла банальную фразу.

– Не веришь, не верь, это твое дело.

– Я тебе стала безразлична?

– Понимаешь, тут дело в другом, тебя просто нет.

- Как это меня нет? – Тесс уставилась на Кевина.
- Просто нет. Ты всего лишь проекция моего сознания. И с каждым днем я все больше и больше это осознаю. Достаточно неудачная проекция сознания.
- Ты что, рехнулся совсем?
- Нет, я более чем в порядке.
- Тогда что ты такое несешь!
- Ты всего лишь набор импульсов, которые воспринимает в данный момент мое сознание. Не более. Если я пойду в другую комнату, то тебя не станет. Ты всего лишь будешь объектом, запечатленным в моей памяти. Гиперссылкой.
- О, Боже! – простонала Тесс.
- Бога тоже нет!
- А что же тогда есть?
- Есть только я, воспринимающий в данный момент 3D объекты, которые находятся на кухне. Есть также объект, который я называю «женщиной», у которого имя Тесс, то есть это ты. Этот объект сейчас произносит определенные звуки, которые называются связанной речью...
- Я что, стала для тебя объектом? – перебила Кевина Тесс. – Ты что, охренел совсем?! Год назад ты приставал ко мне на каждом шагу, а сейчас перед сном жопой ко мне поворачиваешься и пялишься на свои звезды, да Луну. Хорошо, я просто объект.
- Не более...
- Черт, ты издеваешься? Это такой розыгрыш, чтобы мне не рассказывать правду.

- А что такое правда?
- О-о-о! Сейчас ты, чувствую, такую философию мне загнешь...
- Нет, я погибать ничего не буду. Я тебе уже сказал, тебя нет, нет этой кухни, этой плиты, этого полотенца, твоей дочери, твоих, моих родителей и так далее. Все это элементы огромной бесконечной игры.
- Я поняла. Это ты своих книжек перечитал про свой, как ты его там называешь, «квантовый суп», всякие там вселенные...
- Нет, я просто сам заглянул по ту сторону мира...
- И что же ты там увидел?
- Ничего. Там ничего нет. Пустота.
- Тогда что ж ты говоришь, что нашего мира нет, нет ни меня, ни кухни. А ты-то сам есть?
- Я есть. То есть я единственный, кто есть, это я могу сказать с уверенностью. Я есть воспринимающий в данный момент все, что сейчас происходит. Остальное – это лишь моя вера в память. В гиперссылки.
- Какие еще гиперссылки?
- Как в компьютере. Если у тебя есть правильная ссылка, то она тебя переносит на ресурс, который тебе нужен. Например, твоя дочка. Есть определенный набор информации, что есть некий объект...
- Не называй ее объектом!!!
- Хорошо. Есть набор информации, что некая Катрин сейчас должна быть в школе. Но это всего лишь вера в мою память.
- А моя память не в счет?

– Ты всего лишь объект, у которого, я допускаю, тоже имеется память, но в данном случае, все происходит внутри моей памяти в моем сознании.

– О, Господи!!! И давно ты умом двинулся?

– Мне удалось заглянуть по ту сторону мира два месяца назад. Хотя опять же, не существует ни времени, ни пространства, «два месяца» – это всего лишь иллюзорная абстракция моей памяти, которая есть только сейчас.

– Боже...- простила Тесс.

– Любое прикосновение к тебе, любое проникновение в тебя, вкус чая, печенья, холодного пива – это всего лишь импульсы в моем сознании. Не более! Тесс, я одинок. Я один в этом мире! Ты, твоя дочь Катрин, наши, так называемые, родители, друзья – все это лишь временные 3D картинки, которые периодически появляются в моем сознании, но чаще всего они присутствуют в качестве гиперссылок в моей памяти. Тесс, еще год назад я думал, что мир полон разнообразных персонажей, что они все индивидуальны, но правда такова, что ничего нет. Нет даже меня, как персонажа. Это всего лишь временная иллюзия, в которое играет мое сознание. Я так хотел познать истину, я думал, что мне откроется блаженство, но истина такова, что наш мир – это всего лишь виртуальная реальность, в которую играю только я. Всё остальное – это объекты и память. Объекты – если они здесь и сейчас, память – когда они вне моего восприятия. Тесс, я проснулся. Я проснулся ото сна! Я думал... Черт, я разговариваю со своей проекцией, разговариваю сам с собой.

Кевин вскочил со стула, быстро обулся и выбежал во двор дома. Забор, газон, деревья, поливочный шланг – он все это видел ранее, но было такое ощущение, что всё это он видит впервые. Резкость объектов, насыщенность цвета, объем облаков – все это было таким резким и нереальным одновременно.

Тесс вышла во двор:

– Я смотрю, ты неплохо справился с данным уровнем. Пробуждение внутри игры было достигнуто на 39-м уровне, или как вы, люди там говорите, в 39 лет.

– Кто ты? – Кевин уставился на Тесс.

– Для тебя я Тесс, для всех остальных Майя. Это мой мир, равно как и твой. Ты в нем, я в тебе. Забавно, что каждый раз покидая этот мир после очередной игры, будучи за его пределами, ты грозишься меня уничтожить, стереть, но снова и снова возвращаешься сюда. Наверное, все-таки я самосовершенствуюсь. Одних сексуальных извращений сколько придумала. Это одна из причин, по которой ты опять здесь. Расслабься! Давай договоримся. Ты играй, наслаждайся, но не выходи из игры сейчас. Позволь себе присутствие, зная, кто ты есть на самом деле.

Кевин с трудом дышал.

– Спокойно! Дыши ровно... – Тесс обняла Кевина.

Кевин успокоился и улыбнулся. Да, мир хоть и есть иллюзия, но он прекрасен. Тесс, или как ее там звать, если и хочет, чтобы Кевин не покидал данный мир, должна ему продемонстрировать, каким новым навыкам она научилась...

Алексей Маркович. “Варианты”.

Данный рассказ является своего рода продолжением «Утконоса», «Программки», «Шестнадцатой копии», «Чит-кодов», «Чаепития с богом» и рассказа «Актёр и зритель», но сюжетными линиями не связан. Все вышеперечисленные рассказы находятся в онлайн и печатном сборнике «Проект Терра».

Четыре месяца подряд я не заглядывал в свой любимый бар. А зачем? Персонал практически полностью поменялся: это я ещё заметил во время своего последнего посещения. Да и пойти не с

кем. Хотя, чего я сетую, я туда всегда ходил в одиночку. То, что я иногда там встречал Творца миров, который мне то и дело рассказывал про несовершенство нас, мартышек, да и вообще нашего мира в целом, это не считается. Но вот сегодня, не знаю, почему, я решил заглянуть в свой любимый бар. То ли скука, то ли интуиция, то ли предвкушение чего-то нового, подтолкнуло меня посетить моё излюбленное место, где я так давно не был. Где-то в глубине души, я полагал, что встречу там Джозефа – одного из Творцов нашего мира – ведь у меня накопилось к нему так много вопросов. Но Джозефа я там не встретил. Зато встретил Маргариту...

Но обо всём по порядку...

Денег у меня было в обрез, поэтому я заказал самой дешёвой водки, два самых дешёвых салата и самой дешёвой картошки. Мне было грустно. Грустно от того, что я каждый день, смотря на окружающий меня мир, задавался одним и тем же вопросом – ЗАЧЕМ. Зачем всё это? Есть ли какая-либо цель у всех этих форм и проявлений, что окружают меня, или же это мимолётная картинка, подобно той, что каждые несколько секунд видеоизменяется, когда мы смотрим по телевизору какой-нибудь сериал.

Самое странное, что подобные мысли никого из моих знакомых не посещали вообще. На вопрос «Разве вам не интересно, кто вы, откуда, зачем вы живёте?» все мои знакомые смотрели на меня как на полоумного философа и чуть ли не крутили пальцем у виска. Хотя нет, София, которая тоже оттуда, в смысле, из того мира, в котором живут творцы нашей вселенной, тоже стала задаваться подобными вопросами. Два месяца назад она заявила, что её глючит. Как я понял, её, действительно, глючит, так как после долгого перерыва в общении, она вновь появилась на один день в моей жизни, и снова исчезла. Глючит её конкретно.

– Вы не одолжите на секунду телефон, у моего аккумулятора сел, – произнёс женский голос справа от меня. Я поднял голову.

Симпатичная блондинка лет тридцати пяти стояла возле моего столика.

Я на мгновение растерялся, но передал ей сотовый телефон. Она набрала на клавиатуре номер, прислонила к уху, но через несколько секунд вернула телефон назад.

– Вне зоны доступа...

– Простите, но там пароль стоит, как вы разблокировали телефон?

– Ничего сложного, я знаю все ваши пароли...

Не понял...

– Скажу прямо, меня к вам прислал Джозеф, это он вам сегодня СМС отправил...

– Какое СМС? Я ничего не получал. Я просто случайно в этот бар зашёл...

– Он вам не на телефон СМС отправил, а в вашу... голову, в ваш... разум... Поэтому вы и пришли в этот бар. Точнее, это Джозеф активировал ваш приход сюда.

Возможно, читателю данный диалог покажется странным, но никак не мне. За последние восемь лет я научился в той или иной мере программировать события, а также чувствовать вероятные сдвиги сценария, по которому развивается моя жизнь, поэтому «СМС» от Джозефа лишней раз это подтвердила. Без всякого хвастовства могу сказать, что я интуитивно чувствую, что завтра или послезавтра мне поступит тот или иной звонок от того или иного человека, что мне на почту придёт письмо именно такого содержания, и даже зная, что ситуация может быть действительно ключевой, как в случае с Софией, я всё равно принимаю данный сценарий развития. Правда, я до сих пор не знаю, мной ли смоделированы эти звонки или письма, или же я их улавливаю заранее. Даже старина Юнг в своих трудах про синхронистичность не смог дать чёткого объяснения.

– Я присяду? – молодая дама обратилась ко мне.

– А... Ага... Да... Да, конечно... – растерянно промямлил я.

– Расслабься, с Джозефом ты так не нервничал...

– Ну... Это... Ну...

– Я составлю тебе компанию, я тоже что-нибудь крепкое выпью. Кстати, можешь заказать себе ещё водки и картошки, я добавлю нужную сумму.

Я, было, хотел сказать, а не оплатит ли она весь мой счёт, а может ещё и просто так денег даст, но дама, словно прочитав мои мысли, произнесла:

– Это к Софии за халявой обращайся, не ко мне. Я к тебе с серьёзным разговорам пришла. Кстати, меня зовут Маргарита.

Что-то мне не очень понравился её тон. София, пусть трижды глючная, водкой меня угощала всегда. Возмущалась, конечно, что меня не прокормить, но картошки с мясом никогда не жалела. А эта... стерва... Да я сам заплачу за себя нужную сумму... На кой чёрт её мне Джозеф прислал!

– Ты можешь называть меня как угодно, меня это несколько не волнует. Все твои мысли мне известны, можешь меня дальше изучать и планировать, как бы мне вдуть, но я к тебе с серьёзным разговором.

После этой фразы я почти что протрезвел – вот стерва, ничего не утаишь. С такой и жить не захочешь вместе. Да и по всей вероятности Маргарита Софию не любила.

– Нам нужен доброволец. Хотя «доброволец» не то слово. Тебя и так выбрали для эксперимента, просто я пока к тебе с предложением...

Я молчал и смотрел на Маргариту, стараясь сосредоточиться на её словах, а не на её третьем размере.

– Я должна показать тебе новые смоделированные коды вашего мира, а ты должен их либо одобрить либо...

В этот момент подошёл официант, принёс запотевшую бутылку водки, картошки, салатов, а также креветок и ещё чего-то, что заказала себе Маргарита. Пить, я понял, она решила водку. Не могла сразу так и сказать, а то «я тоже что-нибудь крепкое выпью». Что-то я эту сразу Маргариту невзлюбил.

Мы чокнулись, и Маргарита продолжила, доставая что-то из своей сумки:

– Здесь, – она указала на экран планшета, – сорок вариантов развития одного и того же события. Тебе нужно выбрать, что тебе по душе.

Я хотел было задать вопрос, чьи это варианты развития, но она, прочитав мои мысли, ответила:

– Не твои, одного человека. Тебе разрешено побыть в роли бога, вершителя судеб. Правда, вариантов развития всего сорок, свой вариант ты добавить не можешь, а должен выбрать из имеющихся.

Маргарита протянула мне планшет. Я ожидал увидеть картинки, что-то в виде фильма или музыкального клипа, а там, на экране были лишь какие-то непонятные символы и закорючки. Я собирался возразить, но вдруг в одно мгновение в моей голове, если это так можно назвать, распаковались целые кинофильмы. Такое ощущение, что я сам лично пережил все эти сорок эпизодов. Чёрт, эта стерва и впрямь ненавидела Софию. Ладно я, но у меня не было ненависти к Софии – да, во время нашей последней встречи, цитируя ей Веды и Упанишады, я ошибочно думал, что ей нужно просветление, а ей, впрочем, как и остальным самкам нужно «твёрдое плечо» и ещё кое-что твёрдое. Да, София, находясь в земной оболочке, полностью уподобилась другим земным женщинам, променяв силу созидания на кастрюли, а также на

бесконечный поиск «того единственного», перебрав этих «единственных» уже с три десятка. Но я не хотел, чтобы один из сорока эпизодов, которые за секунду я просмотрел в своей голове, был применён к Софии.

– За что ты её ненавидишь? Только честно!

Маргарита, выпив залпом очередную рюмку, скривившись, посмотрела на меня:

– Почему я её ненавижу? Я тебе объясню, почему, – и Маргарита залпом опрокинула ещё одну рюмку.

Я хотел было её подколоть, что она пьёт как Джозеф, но мне было не до смеха.

– Ты помнишь, как ты с ней познакомился? Так вот, она поступила нечестно, она использовала чит-коды. Нам, богам, это категорически запрещено, если мы находимся внутри вашего мира. Бедной Софии видимо было так одиноко, что она позарилась на тебя, никудышную макаку, на глюк этого чёртового мира. Ты ж у нас неприкасаемый, тебя лично Джозеф оберегает, у нас там... наверху строгое табу, трогать тебя нельзя.

Маргарита опрокинула ещё одну рюмку и подала знак официанту принести вторую бутылку водки.

– Джозеф с тобой носитя, как с младенцем, посвящает тебя в суть мироздания, пытается вбить в твой жалкий умишко, что такое «ничто, являющееся всем», что мир всего лишь идея, как говорил Платон...

– Он мне такого ничего не говорил...

– Да ты только что и делал, что пил водку за его счёт, ни черта не слушаешь. Вот Платон его слушал, поэтому вы и знаете Платона!

– Да что ж ты на меня так прёшь? Что я тебе сделал? Или не сделал? Сама вон водку хлещешь не меньше, чем Джозеф или я! И

на что тебе сдалась эта София? Она сама послала меня куда подальше, я тут причём?! Хотя она и дура, я твои варианты мести воплощать не буду! Она мне плохого ничего не сделала!

– Ты должен был быть со мной!

– С тобой? Да я тебя испугался, как только ты подошла! От тебя злом веет! Я тебя боюсь! Надеюсь, что Джозеф тебе не даст меня обидеть!

– Это я должна была придти в ваш мир во время той экскурсии! Я так хотела посмотреть, как мои изобретения работают изнутри! А эта София и там схитрила, приперевшись сюда с остальными. Только чит-коды её и выручают, по-честному играть не умеет.

– Какие изобретения ты хотела посмотреть?

– Я стояла у самого основания вашего мира. Я была одной из тех, кто дал вам то, что вы называете «любовью», «близостью», «материнством». Но вы всё это извратили, превратив близость в вожделение. Раньше экскурсий в ваш мир не было, это всё Джозеф придумал. Я хотела хоть что-то исправить, находясь здесь, внутри вашего мира. Но меня Джозеф не взял, предпочтя Софию. Сейчас вот получилось придти в ваш мир, и у меня одно разочарование.

– Слушай, я не хочу показаться бестактным, но я это где-то слышал...

– Конечно, слышал. Все ваши мифы от Древней Греции до Шумеров говорят о нас, богах. Это Джозеф, юморист, стал приходить сюда развлекаться. Уже пару тысяч самок осеменил. У нас там наверху чёрты что творится! Нас на новые проекты готовы отправить, ваш мир на произвол судьбы оставляют.

– Нас особо никто и не жаловал...

– Грех тебе жаловаться. Тебя Джозеф оберегает...

– А кто из богов Джозеф? Я всегда хотел спросить его, но как-то стеснялся...

– А ты разве не понял? Дионис! Бахус! Вахс! У него много имён, вы его знаете из мифов и легенд именно под этими именами.

– А София?

– Ты что, совсем дурак? София – богиня мудрости...

– Что-то я про такую и не слышал. Да и вообще на мудрую она не тянет! А ты кто?

– Тебе лучше не знать!

Я сделал глоток, закусил остывшей картошкой и посмотрел на Маргариту:

– Я одно не могу понять, если я соглашусь на один из вариантов мести, то как это отразится на Софии, она ведь тоже из ваших. Что ей будет?

– Домой вернётся! Нечего ей тут у вас делать!

– А если я откажусь?

– Ты уже три варианта выбрал! Просто я жду, когда один из них проращёт в твоём сознании... Разве ты не этого хотел?

Я замешкался. В мыслях каждый желает чего-то другим, пусть даже не совсем доброе. Я старался блокировать свои желания как мог...

И тут вдруг я увидел Джозефа. С кем это он? Вот чёрт, он был с Софией!

– Ну как он? – спросил Джозеф, поцеловав Маргариту.

Маргарита протянула планшет.

– Я же говорил, что эта мартышка выберет именно этот вариант!

Я уставился, не моргая, на Джозефа.

– Эти две... богини... мать их... поспорили, насколько ты гуманен,
– Джозеф налил себе и Софии водки.

– Развлекаются дамочки. Скучно им! Ставки делают на вас, мартышек. Неделю назад напились и начали спорить о вашей человеческой природе. София сказала, что вы все сволочи, а вот Маргарита так не думает. Вот она и устроила весь этот цирк. Конечно, ничего с твоей Софией не стало б, но девочки, особенно Маргарита, позабавились от души. А ты молодец! Я бы на твоём месте половину желаний воплотил из этого списка.

Я ожидал любой развязки, но только не такой. Я понимаю, что женщины существа загадочные, но эти две просто шизанутые. Делать ставки! Закачивать мне в голову все эти варианты мести...

Я выскочил из бара и прислонился к ближайшему дереву. Через минуту вышел Джозеф:

– Не обращай на них внимание. Скучно им. В вашем современном мире и не такое в голову придёт! Жалко мне их. Одну и другую. Одна всё никак самца себе не подыщет, даже чит-коды не помогают, да и не помогут, будет всю жизнь так скитаться. Другая всё ставки делает, не может выбрать подходящий для себя сценарий. Она когда сюда собиралась, всё расчёты проводила, в какой день лучше, в какое время. Кстати, это не я тебе ту «СМС» в голову подкинул. Это Маргарита. Ты ей, кстати, нравишься, но она перебрала уже более тысячи вариантов развития своих отношений с тобой, ничего её не устраивает. Хотя это не только к ней относится. Пойдём, выпьем...

Мы вошли в бар. Маргарита показывала на планшете возможные варианты мести, которые я должен был выбрать для Софии, София смеялась на весь зал. Одному мне было не смешно. Джозефу, видимо, тоже.

Вывод, который я в очередной раз сделал для себя, будь ты хоть трижды богиней, живя здесь на Земле в этой человеческой оболочке, мыслить ты начинаешь как самая обычная земная женщина. Чему эти две самки, как говорит Джозеф, являются подтверждением.

Алексей Маркович. “Дом. Часть первая”.

Шестилетняя Мэри уже несколько минут ждала свою маму возле машины. Мама с трудом победила дверной замок, положила ключи в карман куртки, села за руль и повезла Мэри в детский сад.

– Ух... Ушли... Ноконце-то! – Произнёс стол.

– Сегодня они долго ковырялись, как никогда! – Стул подошёл к столу, и они потёрлись друг о друга ножками, так как сильно соскучились за ночь.

– Этот её новый ухажёр хуже всех предыдущих! Чуть ножки мне не сломал, снова взгромоздив на меня хозяйку! – Кухонный стол начал жаловаться. – Им что, кровати мало?

– Эй, чего жалуешься? Они мне знаешь, как осточертели! – из соседней комнаты раздался голос кровати. – Каждую ночь на мне кувыркаются, а потом этот придурок ни ей, ни мне спать не даёт, всё какие-то истории рассказывает.

– И мне не даёт спать... – скрипучим голосом произнесла тумбочка.

– Надо его как-то выселить. Первый меня устраивал, второй тоже, третий тоже ничего, но этот... – Стул явно был вне себя от ярости, так как практически каждую ночь ему, бедному, приходилось

выдерживать все эти толкательные движения, что происходили на нём.

– Я бы и хозяйку выселила, – произнесла кровать, – но дом де-юре её, поэтому по нашим законам её трогать нельзя.

– До которого часа у нас есть время? – Произнесло кресло, что стояло в углу комнаты.

– До трёх точно. Раньше они не приезжают. Жаль, что она машину никогда не оставляет, мы бы её подговорили задержать их где-нибудь, – детский стул, хоть и был самым маленьким, зато был горазд на всякие проказы и аферы.

– Здесь ничего не поделаешь! – Уныло произнесло кресло.

– А я всё-таки решусь! Мне очень жаль стол! Я его проучу! – Стул явно был неравнодушен к столу.

– Но нам нельзя проявлять себя в мире людей! Для них мы лишь неодушевлённые предметы, – кресло попыталось остудить пыль стула и стола, но его перебила тумбочка:

– Нет уж, извольте. Когда в меня клали книги, зарядки от телефона, ставили уют, всё было нормально. Но когда в меня стали складывать предметы, прости Господи, из этого магазина... даже не хочу называть его имя... мне это вовсе не нравится. Особенно когда хозяйка принесла этот розовый... фу... Вот он лежит себе молча, спит...

– Решено! Надо проучить их! Только дождаться, когда они напьются! – Стул был решительнее всех.

– А чего тут ждать, открывая дверь, – скомандовал стул кухонной тумбочке. Кухонная тумбочка открыла дверь.

– Эй, бутылки, карабкайтесь вверх! Становитесь на тумбочку!

– Это не честно! Вы нарушаете все правила! – Закричал цветной горшок с подоконника.

– Ты вообще заткнись! Тебя хоть поливают изредка, а в меня этот её новый придурок нассал уже два раза, – выкрикнул из-за угла большой цветочный горшок, в котором росла пальма.

Из туалета донёсся голос унитаза, но его быстро оборвали, заявив, что это его карма – таким уж тебя создали... так что, друг, извини.

На протяжении трёх часов столы, стулья, кресла, диваны, тумбочки, двери, окна, ложки, ножи, вилки, чашки, блюда, книги, презервативы, цветочные горшки и прочие неодушевлённые предметы дома, включая люстры, бра, картины, фотографии, стены и потолок спорили, как проучить хозяйку дома и её нового ухажёра. Мнения разделились. Потолок кричал, что ему нравится наблюдать весь этот разврат во всех комнатах, то тут же вступался стул, мол, каково моему другу столу... Даже среди мебели возникали нетрадиционные отношения.

Ложкам и вилкам, беднягам, постоянно приходилось слышать весь этот срам на кухне. Также сетовали ящики и дверцы от шкафчика, хотя сами были не прочь наблюдать всю эту вакханалию.

Пока шли ожесточённые дебаты, стоит ли проучить нерадивую хозяйку и её ухажёра, а если стоит, то как, неодушевлённые обитатели дома не заметили, как в дверной замок врезались ключи, и на пороге показалась Мэри. Дверь из прихожей пыталась как-то предупредить других обитателей дома, но не смогла, негласный закон сосуществования с людьми запрещал любое проявление живой активности.

Мэри застыла в ужасе: ящики были открыты, стул стоял на столе, книги были разбросаны по полу, зарядка от телефона обвивала горшок с цветком, то ли пытаясь его задушить как несогласного, то ли таким образом признавалась ему в любви.

Через несколько минут зашла мама.

– Мамочка, это не я...

Но кто поверит шестилетней девочке. Получив строгий выговор, Мэри принялась раскладывать вилки и ножи по ящикам, а стулья расставлять по комнате и кухне.

– Я тебе сколько раз говорила, не лазь по моим полкам! – Мама поспешила спрятать вещи, которые её дочке суждено будет познать лишь через много лет.

Мэри была в недоумении. Неодушевлённые предметы были в шоке. Впервые они так опростоволосились. Вот к чему приводят споры!

Когда Мэри вечером в своей комнате за своим столиком пила молоко и ела печенье, из-под стола раздался тихий голос:

– Мэри! Мэри!

Казалось, девочка должна была испугаться и побежать к маме, но так как Мэри была наказана за весь этот бардак, который она не совершала, Мэри тихим голосом спросила:

– Кто это?

– Это я, твой детский столик.

– Столик? Ты что, умеешь разговаривать?

– И не только.

– Ты что, замолчи! – Рывкнула на столик книжная полка. – Нам нельзя с людьми разговаривать!

– Да это же ребёнок, ей никто и так не поверит! – Детский столик, равно как и детский стул, пытался быть лидером.

– Ты только маме не говори, что мы с тобой разговариваем, – прошептала чашка, из которой Мэри пила молоко.

– А почему вы раньше не разговаривали со мной? – Мэри вовсе не была напугана.

– Раньше нельзя было, теперь можно, – произнёс столик.

Мэри допила молоко, отнесла чашку на кухню, помыла посуду и вернулась к себе в комнату.

– Если никому ничего не скажешь, я попрошу телевизор включить тебе мультики, ты ж ведь наказана за беспорядок, а если мама увидит включённый телевизор, он сразу выключится, – шепнула кровать.

Но мультики включать не пришлось, так как Мэри попросила рассказать кровать какую-нибудь сказку. Нехотя кровать рассказала ей сказку, а одеяло мягко так обволокло тело девочки, что она сразу уснула.

Скоро пришёл ухажёр мамы, не совсем трезвый, но с цветами. Дальше – всё по сценарию.

Наутро, когда все разъехались, в доме возник жуткий спор, как так можно было не заметить приход хозяйки и девочки.

– Зато у нас есть сообщник! – Произнесла кровать, и неодушевлённые обитатели дома принялись строить планы об устранении ухажёра, так как в эту ночь он опять настоял на том, чтобы постыдные действия были совершены на кухонном столе.

Алексей Маркович. “Фантик”.

В тот момент, когда Хельга Рихтер покинула на несколько минут Эдварда Кроу, Эдвард сразу же налил себе в стакан, в котором до этого был персиковый сок, водки и залпом всё выпил. Затем он уже налил из графина в стакан персиковый сок, и как ни в чём не бывало, с пьяной блаженной улыбкой на лице стал ожидать, когда Хельга вернётся из дамской комнаты.

Когда Хельга вернулась, Эдвард произнёс:

– Давайте оставим весь этот официоз... Я готов ответить на любые ваши вопросы, но я хочу, чтобы это были... интересные вопросы... Мы с вами сидим здесь уже сорок минут, и всё, что я слышу, это банальная ересь, типа «Что вы почувствовали, когда вам предложили по вашей повести снять фильм?». Мне эти вопросы задают на каждом интервью. Лучше спросите меня, что я почувствовал, когда я первый раз подрочил!

– Эдвард!!!

– Что Эдвард?!!!

– Вы обещали вести себя прилично и не пить, но вы не выполняете не первое ни второе обещание!

– Если вы хотите, мы остановимся на этом. У вас есть ответы на все ваши заготовленные вопросы. Эти вопросы, равно как и ответы, не отличаются ничем от остальных двух десятков интервью, что я дал за последний месяц. Но я хотел бы предложить вам задавать мне любые вопросы. ЛЮБЫЕ!!! Рейтинг вашего журнала после этого интервью подскочит до такой степени, что вас сразу же сделают заместителем главного редактора!

– Но я... у меня... язык не повернётся спросить, что вы только что предложили...

– Задайте тогда другой вопрос!

– Хорошо! Почему вы так любите водку? Пока я отлучилась на несколько минут, вы опустошили полбутылки.

– Я водкой поливаю васаны...

– Простите, что вы поливаете?

– Васаны... Если коротко, то васаны это... склонность к определённому поведению, сила привычки, то, на чём базируется

весь наш жизненный опыт. Рамана Махарши говорил, что васаны нужно выжигать, а я их поливаю. Но они, сволочи, не гниют.

– Кто такой Рамана Махарши?

– О, Боже! Залезьте в Гугл и посмотрите сами. Дело не в том, кто такой Рамана Махарши, а в том, что, сколько не поливай васаны водкой, они как были, так и остаются!

– Зачем вы это делаете?

– Делаю что?

– Поливаете ваши... васаны...

– Чтобы приглушить всю эту чёртову ментальную боль, этот вопрос, что мне не даёт покоя который год.

– Какой вопрос?

– Вопрос «Кто я?». Какого хрена я делаю здесь на Земле? Сижусь с вами в этом кафе, даю очередное интервью, пью очередную бутылку водки, купаюсь в деньгах и славе, но остаюсь неудовлетворённым! Неудовлетворённым духовно, чтоб вы поняли, про что это я.

– Вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, что человека, который начал поиск, кто он есть на самом деле, ничто уже не удовлетворит. Он только и будет, что притворяться на людях, рассказывая, что у него всё хорошо, но в душе у него будет полный хаос. Неужели вас, Хельга, не волнует вопрос, кто вы?

– Я никогда не задавалась этим вопросом...

– Значит вы, скорее всего, NPC.

– Кто?

- NPC. Non-Player Character. Неигровой персонаж. В компьютерных играх это персонаж, которым управляет машина, а не игрок извне...
- О, Боже! Эдвард! То вы мне про васаны рассказывали, теперь про персонажей компьютерных игр...
- Я могу много чего рассказать...
- Хорошо. Я думаю, что женской аудитории нашего журнала будет не очень интересно читать про васаны и как их там?...
- NPC...
- Да, про эти ваши NPC... Раз уж вы предложили задавать любые вопросы, то позвольте вас спросить, почему вы, такой вот весь продвинутый, хорошо знакомый с различными философскими течениями, религиями и т.д., боитесь женщин?
- Я женщин не боюсь...
- Но вы ведь... одиноки...
- Жить без женщины – не значит быть одиноким.
- Хорошо, перефразирую вопрос. Почему вы предпочитаете быть один? Почему женщины вас больше не интересуют?
- Ваша формулировка достаточно некорректна. Женщины меня интересуют. Меня не интересует тот уровень детсадовских отношений, который практикуется повсюду. Ты мне – я тебе. Словно мужчина и женщина сходятся для того, чтобы доказать друг другу, кто круче. Вот вы, Хельга, замужем?
- Разведена...
- Что и требовалось доказать! Дело ведь не в женщинах или мужчинах! Дело в том, что мы перестаём взрослеть. Мы духовные... рахиты. Нам с вами уже далеко за тридцать, а наш

стиль жизни напоминает игры двенадцатилетних. Убогие, уродские игры. И дело не только в отношениях! Это уродство простирается на все области нашей жизни! Нет, я не святой. Я такой же урод, как и все. Только я признаю это открыто. Я больше не прячусь за ширмой под названием «работа», «семья», «отношения», «праведность», «полезность» и т.д. Мне хочется только одного!

– Чего одного?

– Истины! Знать, кто я!!!

– Вы думаете, это возможно?

– Не знаю...

– Но как вы можете хотеть знать, кто вы, если вы считаете это невозможным?

– Хельга, – Эдвард отпил прямо из горла бутылки, – меня не столько интересует истина, сколько меня достала вся эта ложь. Весь этот спектакль, в который вовлечены все живые существа, включая, нас, людей. Я очень люблю наблюдать за людьми. И всё было б ничего, если б за последние шесть месяцев, я не услышал как минимум от четырёх человек, с кем я достаточно близко знаком, что их глючит. Да-да! Глючит!!! Этот термин я постоянно употреблял по отношению к себе, говоря, что меня глючит, но вот я слышу от четырёх женщин, что их тоже глючит. У этих женщин в жизни всё неплохо, есть дети, правда, их брак накрылся... не буду продолжать чем. Но с чего это их начало глючить? А ответ прост. Вопрос «Кто я?» начал давать всходы. У тебя может быть дом, машина, муж, ребёнок, даже не один ребёнок, но как только вопрос «кто я» начнёт прорываться наружу, все эти ваши игры в «работа-дом» поблекнут. Это как заноза в заднице!!! Как больной зуб. Зуб надо лечить, а то и вырывать, но ты полощешь его водкой, чтобы отсрочить поход к стоматологу. Васаны надо жечь, а я их поливаю водкой...

– И к чему вы пришли в вашем «Кто я»?

– К тому, что любой ответ, пусть он даже будет исходить из глубин мироздания, меня не удовлетворит.

– Почему?

– Все эти продвинутые парни, типа Раманы Махарши, рассказывают нам о чудесном слиянии с Абсолютом, о вечном блаженстве и т.д. Хорошо, эти ребята познали, что есть Брахман. Но что, если за Брахманом есть другой, более высокий Брахман? А там дальше ещё один и ещё один? Хельга, представьте себе компьютерную игру. Я как-то описал это в своём коротком рассказе «Прозревший». Персонаж компьютерной игры прозрел и задаёт вопрос, кто я. Но я ведь-то знаю, кто он, этот персонаж. Пиксель на экране, электрический импульс. Возможно, внутри игры, этот персонаж вопрошает, кто я, что я здесь делаю, молится Создателю и т.д. Он ждёт, когда ему его Создатель ответит. Вы бы стали отвечать электрическому импульсу?

– Звучит бредово...

– Так и нам, пикселям этой компьютерной игры не стоит ждать ответа. Ведь по сути, все эти попытки просветлиться ничто иное, как поиск счастья. Мне это просветление до лампочки, всё, что я хочу, чтобы мне было хорошо. Хорошо каждую секунду, а не тогда, когда я залью свои васаны.

– Что по вашему мнению «счастье»?

– Счастье – это когда мне хорошо! Я уже ответил. Только вот сценарий моей жизни развивается не так, как я хотел бы. Те, с кем я хочу быть, меня посылают, те, кто хочет, чтоб я был с ними, меня не интересуют. Я вам честно скажу, я достиг такого уровня манипулирования и взаимодействия с Вселенной, что легко могу заставить тех, кому я безразличен, полюбить меня. Но это будет лишь созданием сценария, который угоден мне. Но я из этого вырос! Пусть десятилетние дети играют в свои игры «любит / не любит». Мне хочется других, более интересных игр. Взрослых игр! Не тех взрослых игр, о которых можно подумать в данном

контексте, а реально взрослых зрелых игр. Но я таких игр не знаю. И с игроками не знаком. Я сейчас нахожусь на том уровне, где по одну сторону находится весь этот детский сад под названием «жизнь», а по другую сторону то, что называют «просветлением». В детсад я возвращаться не хочу, там ужасно, а просветления боюсь.

– Это всё из-за женщин?

– Отчасти да. Только я уже давным-давно перестал рассматривать женщин как изолированных персонажей. Я всё больше воспринимаю жизнь как набор ситуаций, набор сценариев, которые слиты воедино. Я больше не говорю, «вот – Мария», я говорю, что три года назад с Марией было классно, а вот с Кэти я хотел бы попробовать, но я её боюсь. Точнее я боюсь не Кэти, а что У МЕНЯ с ней ничего не получится. Это разные вещи... Позвольте, я закажу ещё одну бутылку водки...

Эдвард сделал заказ и продолжил:

– Вы меня спросили про женщин. Года три назад я вам сидел бы здесь и жаловался, ах, какие женщины нехорошие. Но это неверная формулировка. Верная формулировка следующая: мои интересы и её интересы не нашли общих точек соприкосновения. Жалобы – это эмоции. А ненайденные точки соприкосновения – это факт. Здесь добавить нечего. Я хочу так, а она хочет по-другому. Я не соглашаюсь с ней, она со мной. Вот и все отношения. Всё остальное это лишь детали. Эта формула настолько проста! Только в эту формулу я играть уже не хочу.

– А во что вы хотите играть?

– В контексте чего?

– В контексте всего!

– Сложно сказать! В детский сад не хочу играть! Только вот «школьников» не могу найти. Хельга, давайте на чистоту. Мои желания и амбиции меняются со скоростью движения часовой

стрелки на циферблате. Во вторник я хочу быть поэтом, в среду – режиссёром, в четверг – художником, в пятницу – фотографировать тени, в субботу я готов жениться. Только вот когда наступает новый день, у меня появляются всё новые и новые желания. Давайте я вам как мужчина кое-что проясню. Я уже достаточно пьян, так что слушайте мои откровения! Вот оглянитесь вокруг. Здесь есть как минимум пять дам, кого я хотел бы... отодрать прямо здесь. Прямо в этом кафе, прямо на этих столах. А как только дело сделано, пойти с товарищем пить чай или водку. А когда я буду в другом кафе, то если у меня будет подобное настроение, то я готов это сделать с понравившейся дамой, которая будет в том кафе. Даже на глазах её мужа или просто ухажёра. Только это нереально! Поэтому мы и придумываем все эти правила доступа к телу.

– Вы рассуждаете как... дикарь...

– Я рассуждаю как мужчина. И я рассуждаю честно.

– То вы истину ищите, то готовы совокупиться с первой попавшейся женщиной в кафе...

– Одно другому не мешает! Хельга, мы так всё усложнили себе! Мы забыли, что такое искренность. Мы врём сами себе. Думаете, почему я соглашаюсь на все эти интервью? Мне одиноко, поэтому я готов в сотый раз отвечать на одни и те же вопросы. Где-то в глубине души я надеюсь, что я встречу выпускника, точнее выпускницу «детского сада» и мне скажут, да пошло оно всё куда подальше, но нет... После интервью я выслушиваю все эти однотипные истории о детях, мужьях, нереализованных мечтах, ненавистной работе... Со мной уже водку никто не хочет пить! Все, мать их, заняты! Я пью в одиночку!

– Я ж ведь всё ещё с вами...

– Вам журнал деньги платит, да и вам одиноко, как и мне... Хельга, представьте себе Бога. Всемогущего, Вездесущего, Всезнающего и т.д. Когда я говорю о Боге, то я подразумеваю

самого крутого Бога. Бога богов! Представили? А теперь поймите, что Он один. Да-да, у этого Бога нет друзей, жены, детей и т.д. Он один!!! И вот Бог говорит, «как мне одиноко, дай-ка я поиграю». И Он создаёт миры. Наш мир – одно из Его творений. Бог играет роль гусеницы, червяка, майского жука, хомяка, морской свинки, пятилетнего мальчика из Камбоджи, который родился без рук, семилетней девочки из Уругвая, чья мать проститутка, и эта девочка больна СПИДом. Этот Бог играет мной, вами и всеми остальными. Это я, нынешний персонаж, не помню, кто я. А Бог-то помнит, кто я, и кто Он. А может, Бог целенаправленно забывает, кто Он? И цель у Него одна – не быть одиноким!? Только вот у Него ничего не получается. Все персонажи нашего космического театра одиноки. Образ и подобие Бога!!! ОДИНОЧЕСТВО!!! Но во всём этом я всё-таки нахожу некую прелесть!!!

– Прелесть в чём? В одиночестве?

– Нет. В попытке найти себе пару! Все философии и религии вращаются не столько вокруг Бога, сколько вокруг мужчины и женщины. На протяжении тысячелетий люди ищут эту волшебную формулу единства, но никак не могут её найти. То, что едино, не может быть разделено. Но когда оно едино, оно одиноко. Хотя оно одиноко, когда и разделено. Хельга, всё тщетно. Нет никакого счастья!

– Неужели вы никогда не были счастливы?

– Был... В детстве... Когда мне было пять лет, я нашёл в снегу обёртку от конфеты и... карандаш. Такой вот двойной карандаш... с одного конца красный, с другого – синий. Я мог этим карандашом нарисовать на этом фантике всё, что угодно. И я что-то рисовал во время прогулки. Хельга, почему в пять лет я испытывал это счастье, а сейчас, в 38, я сижу здесь с тобой в этом кафе, пью третью бутылку водки и вспоминаю про этот фантик? И этот фантик не единственная составляющая моего детского счастья. Были и другие эпизоды...

Хельга ничего не ответила, а провела тыльной стороной ладони по глазам.

– Хельга, мы все ищем этот фантик! Понятно, что не сам фантик, а те ощущения, впечатления и прочее-прочее. Только как найти этот фантик?! Ты спросила меня про женщин. Я хочу найти ту, которая тоже искала б этот фантик. Мы бы его искали вместе! Только никто этот фантик не ищет. Все позабыли о нём. А я помню! Зелёный такой фантик, мокрый от снега, на нём... на нём были нарисованы медведи, сидящие на бревне. По крайней мере, мне так кажется, что на нём были медведи.

Хельга уже не просто всхлипывала, а ревела во весь голос. Эдвард не успел опомниться, как Хельга, которая бранила его за распитие водки в таких количествах, наполнила свой стакан из под сока и залпом опустошила его. Затем она наполнила ещё один стакан и также залпом опустошила его.

– Легче? – ехидно спросил Эдвард.

– Намного! – ответила Хельга.

– Это фантик был не единственным моим сокровищем в детстве. Другим моим сокровищем была ручка с маленькой рыбкой, эту ручку я тоже нашёл в снегу...

Но Хельга Эдварда не слушала. С блаженной улыбкой на лице она похрапывала, сидя на стуле. Даже улыбка самого Будды была б жалкой подделкой счастья.

Фантики... У всех у нас есть свои фантики, где-то глубоко похороненные в душе. Я-то о них помню и пытаюсь отыскать... А вы?...

Алексей Маркович. “Пиксель”.

Предисловие

Запись первая.

Время: 68-ая смена темноты и света. Сезон: что-то наподобие осени.

Что такое писать от руки я забыл напрочь. Поэтому тот, кто, возможно, начнёт читать эти рукописи, пусть будет снисходителен. Надеюсь, ему (или ей) мой почерк будет понятен.

Меня зовут Марк. По физическим законам пространственно-временного кластера, откуда я родом, мне 42 года. Но для этого места, где я нахожусь последние два месяца, мой возраст не имеет никакого значения. Не имеет значения также мой род деятельности – более трёх лет я занимался путешествиями. Путешествиями по пространственно-временным кластерам.

В этой «эпохе», где я сейчас нахожусь, я застрял надолго, думаю, навечно, до тех пор, пока моя телесная оболочка не состарится и не распадётся. Мой «защитный пузырь» сдулся, мой портативный телепорт сломан, а одной силы мысли, чтобы переместиться в техногенную эпоху, где я мог бы взять достаточное количество энергии, недостаточно. Да и вообще я весь выбился из сил.

Зачем я всё это пишу? Чтобы как-то избавиться от скуки. Кластер, где я сейчас нахожусь, по всем его характеристикам я бы отнёс к периоду, который мне из учебников истории, а также из личного опыта путешествий напоминает восемнадцатый век. Хотя дальше той деревни, где я сейчас живу, я никуда не выбирался. Меня приютила многодетная семья. Семья очень религиозна, и, не смотря на то, что толку от меня мало, они меня кормят и даже выделили место для ночлега в своём доме. Они считают меня кем-то вроде пророка. С тем, что я пророк, также согласны остальные члены общины. Возможно, их невежество как раз является для меня спасением.

Как я здесь оказался? Я уже писал, что я путешественник. Могу предположить, что подобные путешественники существуют, но я никого из них лично не встречал. Я совершил более шестисот путешествий, и вот теперь я застрял здесь. Раньше такого со мной никогда не происходило. Вероятней всего, данный сбой произошёл из-за того, что когда я совершал перемещение, я не был трезв, а мой наставник ещё в самом начале предупреждал меня, что «прыжок» должен быть осознанным, сконцентрированным, но последние тридцать перемещений я выполнял в состоянии «изменённого сознания».

Что такое «путешествие»? Всё началось в тот день, когда мне исполнилось 38 лет. Я напился до чёртиков, а когда проснулся или, правильнее сказать, очнулся, то оказался в нулевом кластере. Не физически, а на уровне сознания, без тела. Я полностью ощущал своё собственное присутствие, но то состояние, в котором я находился, было таким родным и добрым, но одновременно и дискомфортным. То, что мне открылось в один миг, очень сложно передать словами, но я постараюсь. Лучше всего для сравнения подойдёт тот предмет, который в эпохе, откуда я родом, называется «жёстким диском». Но я сомневаюсь, что жители данной деревни, когда будут это читать (если это вообще будет кто-то читать), поймут. Для них я постараюсь найти другую аллегорию.

На один жёсткий диск объёмом, скажем, в один терабайт можно записать кучу информации. Например, пятьсот фильмов в нормальном качестве. Вот передо мной каталог: я пролистываю названия, и на понравившееся мне навожу мышью, щёлкаю ей, и фильм запускается. Для жителей данной деревни аллегорией была б библиотека с тысячью книг: я беру нужную книгу с полки и начинаю её читать. Или даже один из рассказов из одной книги, а в той книге три десятка рассказов.

Вся вселенная, которая доступна моему сознанию, пока я нахожусь в этой человеческой оболочке, представляет собой библиотеку, жёсткий диск или вы можете сами использовать любую аллегорию. Я запросто могу переместиться в любой «фильм» или «рассказ».

Более того, вариантов данных «фильмов» и «рассказов» существует миллиард в миллиардной степени. Моё вторжение в готовый сценарий будет лишь преобразованием одного из миллиардов однотипных повествований, поэтому то, о чём так рьяно предупреждали нас писатели-фантасты, в корне неверно. Я могу (в принципе, что я и делал) перемещаться в известные мне сценарии и встречаться с самим собой в любом варианте.

То, что я описал выше, мне открылось в мгновении ока. Когда я очнулся после празднования своего дня рождения, то обнаружил необычный подарок – устройство, чем-то напоминающее сотовый телефон. Это был портативный телепорт. Я не знаю, было ли моё «откровение» кем-то спланировано свыше, но, вернувшись в свою человеческую оболочку, я прекрасно понимал, как этим телепортом пользоваться. У меня не было страха, недоумения или чего там ещё, чтобы начать паниковать из-за того, что эта за штуковина и как она оказалась у меня дома.

Возможно, я и сейчас продолжаю находиться в каком-то сне или галлюцинации, хотя по возвращении из нулевого кластера я чётко осознавал, что мир, к которому я так привык, и есть, самая что ни на есть галлюцинация. Один из эпизодов «фильма», коих на «жёстком диске» миллиард.

Идея о «фильме» и «книгах в библиотеке» мне приходила и раньше. Когда мне было лет десять, я перед сном развлекал себя мечтами, как было б классно вернуть своё десятилетнее сознание в оболочку себя самого, когда тебе пять лет. Да я был бы вундеркиндом! В пятнадцать лет я продолжал развлекать себя подобными мечтами, только мне уже хотелось переселиться в себя десятилетнего. В тридцать пять мечты оставались теми же, лишь сюжеты менялись. Возможно, моё дикое желание и повлияло на то, что «властелины вселенной» к моему дню рождения преподнесли такой подарок, одновременно с этим отредактировав моё восприятия, чтобы увидев телепорт, я не наложил в штаны от страха, мол, что это такое, и как оно здесь оказалось.

Структура мира очень проста. Единое сознание, разделённое на миллиарды форм, развлекает само себя. Эдакий спектакль одного актёра. В моём лице сознание решило расширить диапазон развлечений, позволив мне быть одновременно и актёром и зрителем в других эпохах. Все материальные блага человека, о которых мне известно, все эти яхты, самолёты, виллы и прочее, лишь жалкие деревянные игрушки в сравнении с тем, что было дано мне. Одно дело ты читаешь о пиратах в книге, другое – ты сам плаваешь с ними на корабле.

Жители деревни, где я сейчас нахожусь, говорят на староанглийском языке, мне их несложно понимать, а им меня. Мой родной язык русский, но я сумел выучить за время моих путешествий восемь языков. Находясь в путешествии в альтернативной реальности время (хотя такого понятия как «время» не существует вовсе) практически останавливается, даже если ты пребываешь там в родной оболочке. Поэтому находясь в этой деревне, я могу жить практически вечно, моё тело за сто лет состарится лишь на полтора года. Это и радует и пугает. Стареть естественным образом я могу лишь в эпохе, где был рождён.

Шестьсот путешествий, о которых я писал ранее, можно разбить на три категории. Первая категория: разведка. Заскочил, посмотрел, изучил и переместился в ту же идентичную реальность, уже зная немного тех персонажей, с кем придётся иметь дело.

Вторая категория: встречи с самим собой. Я многократно встречался со своим юным персонажем, доводя его до безумия или бешенства. Я отбивал у него женщин, изменял с его женой на тот момент, в общем, развлекался, как мог.

Третья категория: исследование. Мне удалось побывать в мирах не похожих на наш. Я путешествовал в свои любимые компьютерные игры. Это было круче всего.

Зная, что в этой деревне я застрял практически навечно, я решил развлекать себя написанием мемуаров. Если же я из своих предыдущих путешествий привозил тонны видео, которые я

выгружал из своего мозга прямо в компьютер, то здесь, если это удастся, я возьму с собой лишь рукописи. Рукописи как о предыдущих путешествиях (поверьте, иногда текст лучше, чем сотня фильмов), так и о своём пребывании здесь.

Кстати, Мария, хозяйка дома, зовёт меня к столу обедать. Так что продолжу писать чуть позже.

Алексей Маркович. “Пиксель”. Глава первая

Я думал после обеда прогуляться по окрестностям, но решил всё-таки продолжить писать. Пока есть желание и вдохновение – пиши. Но пишу я не шариковой или гелевой ручкой, а перьями. Старшая дочка Марии принесла мне целый набор перьев, кипу бумаги и несколько чернильниц. Забавно всё это – я, путешественник во времени и пространстве, пишу эти строчки чернилами. А ведь у меня был когда-то доступ к технологиям, которые позволяли прямо из мозга передавать гигабайты данных в портативный компьютер.

Старшая дочка Марии, Хельга, работает у одного местного нотариуса, она как раз и принесла мне бумагу и чернила, заметив, что я постоянно что-то пишу палкой на песке. Нотариус, хоть и не принадлежит религиозной общине, членами которой являются Мария и вся её семья, передал мне в дар весь этот «набор для письма», так как тоже верит, что я пророк. Сделал он это, конечно, по просьбе Хельги.

Перьями писать неудобно, бумага рвётся, чернила проливаются, но другого способа изложения мыслей у меня нет. Держать в голове я их больше не могу. Возможно, вся эта писанина в будущем подскажет, как мне выбраться из этого пространственно-временного кластера. Мария, Хельга и ещё пару членов семьи сказали, что им будет интересно читать, что я пишу. Так что четыре читателя у меня уже есть.

Я не знаю, как меня воспринимает семья Марии. «Пророк» – это ещё ни о чём не говорит, по крайней мере, мне. Насколько я могу понимать их язык, они описали моё появление «будто из воздуха». Я, по их словам, «материализовался прямо у них во дворе», в это время семья Марии занималась работой в саду. Естественно, моё появление их напугало, они начали истошно вопить, подняли панику, прибежали соседи, кто-то даже ткнул в меня вилами, поранил ногу. Возможно, они меня прямо там, в саду забили б до смерти, но старейшина их общины заявил, что я некий посланник, и меня нужно выходить, а когда придёт время, я изложу им свою миссию.

В тот момент, когда в меня ткнули вилами, я понял, что «защитный пузырь» больше меня не защищает. Что такое защитный пузырь? Это некий фон, который образуется вокруг меня. Даже если я буду стоять среди людоедов (о которых так много написано в сказках, но в те миры я так и не рискнул заглянуть), то никто из них меня не тронет и пальцем. Защитный пузырь в радиусе трёх метров блокирует любую агрессию. Если на тебя кто-то бежит с ножом, то пересекая границу защитного пузыря, агрессия подавляется, атакующий становится подобно ягнёнку. Камни, стрелы, пули растворяются при соприкосновении с пузырём. Но, как объяснил мне мой наставник, если ты прыгнешь в кратер вулкана или упадёшь со скалы, пузырь не поможет. Функция пузыря – защитить от агрессии персонажей того или иного мира. В остальных случаях лучше не рисковать. Не умеешь скакать верхом на лошади, лучше не скачи, пузырь не поможет. Не знаешь, что за фрукты или ягоды на дереве, лучше не ешь.

Защитный пузырь меня выручал не раз, особенно когда я развлекал себя, гуляя по полям сражений во время боевых действий. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся – может у Моисея (или царя Давида), написавшего Псалом 90, тоже был «защитный пузырь».

Читая в юные годы разные сказки, библейские истории, египетские летописи о войне богов, я ни на йоту не сомневался, что это были просто «высокие технологии». Например, в надписях

Ашурбанипала говорится, что «оружие, испускающее яркое, ослепительное сияние», было частью головного убора богов. Далее сказано, что враг «был ослеплен сиянием головы бога». Так что я смело могу заявить, что мой «защитный пузырь» относится к таким вот высоким технологиям. Но сейчас пузырь сдулся, поэтому приходится полагаться на милость тех же богов, собственную смекалку, интуицию и верить, что жители деревни, где я сейчас обитаю, всё-таки дружелюбны.

Перед тем, как я начну описывать свои приключения, стоит рассказать о двух интересных эпизодах, которые предшествовали моим перемещениям во времени.

Когда мне было пять лет, я гулял с родителями по парку. Была весна, таял снег, текли ручьи. Мой отец сделал для меня бумажный кораблик, и я бежал за ним вдогонку, пока тот плывёт по ручьям вдоль бордюров. Восприятие так называемой 3D картинки на тот момент было настолько кристально чётким, что всякий раз служило для меня эталоном, каким должно быть не зашоренное восприятие мира. Когда мне было 33 года, и я гулял по тому же парку по той же аллее, я настолько погрузился в свои воспоминания, пытаюсь настроить себя на идентичное восприятие окружающей меня картинки, что даже не заметил, как на несколько мгновений переместился в тот день, когда я пятилетний гуляю со своими родителями. Я стоял возле выхода из парка и отчётливо видел своих молодых родителей и себя пятилетнего, радующегося этому бумажному кораблику.

Это была не галлюцинация, не иллюзия, а реальное перемещение себя в моей на тот момент оболочке в 1983 год. Я отчётливо помню, как я рассматривал прохожих, одетых по моде того времени, как взглядом изучал скамейки, кинотеатр и прочие рукотворные объекты, сотворённые человеком.

Именно тогда я задался вопросом, а что, если вся наша жизнь, это просто кино, которое нам «бесплатно показывает волшебник, прилетевший в голубом вертолёте». Вероятно, какое-то участие мы в этом кинофильме и принимаем. Но весь тот парк, деревья,

скамейки, мои родители и я пятилетний это лишь 3D проекция из кинопроектора в моё сознание. Был ли я на самом деле пятилетним и гулял ли по тому парку – это лишь вопрос моей веры. Что я знаю наверняка? То, что сижу сейчас здесь в этой комнате и вывожу каракули пером на этой сероватой бумаге. Остальное это лишь игра в память.

Второй эпизод, или даже эпизоды, это прослушивание музыки и ассоциативные воспоминания, связанные с первым прослушиванием того или иного трека. Я сомневаюсь, что мои читатели из этой деревни знакомы с таким понятием как «импринт», да и вообще всё, что я здесь пишу, им на 90% абсолютно будет непонятно. Но пишу я это в первую очередь для себя, а там, если читатели захотят пояснений, я им объясню.

Если говорить конкретно о музыке, то любое последующее прослушивание мелодии служит путеводителем в то событие, которое происходило тогда, когда ты впервые эту мелодию услышал. Например, композиция группы Scooter «Hit the drum» уносит меня в 1997 год, когда в декабре месяце я стоял возле дома, в ожидании хозяев, а в наушниках у меня играла как раз эта композиция.

А композиция «UFO Phenomena» той же группы переносит меня в 2007 год, когда мы частенько собирались компанией из трёх человек, чтобы за рюмкой чая обсудить вероятность существования планеты Нибиру.

И вот как-то в очередной раз во время прослушивания «Hit the drum», я оказался в трусах и майке возле того дома, где я девятнадцатилетний стою и жду, пока хозяева придут. Это присутствие длилось всего лишь несколько секунд, но когда я вновь оказался в своей квартире, то чувствовал холод – даже пяти секунд достаточно, чтобы замёрзнуть, стоя на снегу босиком и в трусах. Несколько дней я лечился. Родственникам и знакомым сказал, что это обычная простуда. Про то, что было на самом деле, я промолчал – не поверят, да и подобными вещами я с кем попало не делюсь.